

§ 1. Волшебное зеркало фольклора: местная старина в устном творчестве южнорусского населения

«Фантазия — это естественная человеческая способность. Она, безусловно, не разрушает и не оскорбляет здравый смысл; она также не притупляет вкус к восприятию научной истины. ... Напротив, чем острее и яснее разум, тем более удачную фантазию он создаст».

*Дж. Р. Р. Толкиен.
О волшебных сказках,
1947 год.*

Центрально- и южнорусская (в том числе курская) земля хранит множество вещественных следов своего далёкого прошлого: опустевших давным-давно стоянок и селищ представителей разных эпох и народов, всякого рода погребений предков, потаённых ими кладов, заплывших в грунт фундаментов разрушенных храмов и прочих стародавних построек. Взгляду местного жителя издавна и до сих пор знакомы внушительные очертания оплывших валов и рвов на высоких мысах приречных городищ, плавные контуры курганов в полях и рощах. Древние предметы, иногда — драгоценные (монеты и ювелирные украшения), а большей частью заурядные с обыденно-практической точки зрения остатки жизнедеятельности прежних насельников этих мест (черепки с любопытными узорами, разрозненные кости и целые скелеты людей и животных, угли, ветхие орудия труда и образчики домашней утвари, части архаичного вооружения и снаряжения) то и дело попадались здесь под плугами пахарей, заступами землекопов, вымывались половодьями в оврагах. Живые впечатления от искусственных насыпей земли и диковинных находок вкупе с досужими повествованиями долгожителей получали своеобразное преломление в народном сознании, образывали особый — *историко-археологический пласт регионального фольклора*.

Этническая картина мира органично включает в себя связанные с предками объекты социально организованного пространства (в том числе особенно старые — городища, курганы, прочие руины и некрополи). Перейдя от состояния кипучей жизни на и вокруг них в социальное небытие, они в своём большинстве служат предметом стихийного переосмысления местным населением и заезжими путешественниками. А именно: выступают зримыми свидетелями типичных для устного творчества любого народа сказаний, поверий о переселении общины на иную территорию, её освоении и защите от врагов, а также природных бедствиях и знамениях, столкновении языческих и христианских (или других конфессий) святынь, живых людей и душ мёртвых, добрых и злых духов на этом участке матери-земли.

Пространственные элементы народной культуры, таким образом, выражают и её временные измерения. Призраки прошлого всегда окружают людей. Летописцы и историки всегда старались угадать за этими призраками реальные черты былого.

*А.А. Шишкин. Русское поле. 2015 год.
Сайт Андрея Алексеевича Шишкина.*

Одна из основных функций народного сознания, как архаического, мифосказочного, так и модернизированного, повседневно-житейского, — этиологическая (от греческого *aitia* — причина), то есть объясняющая, толкующая сущность, причины, происхождение всего малопонятного, необычного для простого труженика, носителя массового сознания и здравого смысла. Тому желалось если не узнать доподлинно, то хотя бы правдоподобно придумать первоисточки природных явлений, общественных катаклизмов, исторических событий, географических имён.

Современные теоретики познания (эпистемологи) выделяют целый класс так называемых традиционных или же этнонаук — народные метеорологию, агрономию, астрономию, медицину, ветеринарию и прочие, и

прочие — по сферам народного труда и быта. Они, конечно, поверхностно, фрагментарно, но детально и комплексно отражают и программируют в меру своих сил окружающую труженика, того же крестьянина или ремесленника, природную реальность, общественную действительность. У известного режиссёра Эльдара Рязанова есть немудрёный стих, хорошо говорящий об этом:

«Я понял, что необразован,
Хоть и прожил немало лет,
Хотя начитан и подкован,
Хоть и объехал целый свет.

Иной мужик, что рос в деревне,
Попросвещённое меня —
Легко читает в книге древней,
Извечной книге бытия.

Он сойку отличит от дятла,
Не спутает с пшеницей рожь,
Ему как своему понятна
Реки предутренняя дрожь.

По голосу он понимает
Кто — коноплянка или дрозд?
В чужом лесу не заплутает
И знает много разных звёзд.

По запаху он ищет травы,
Легко в реке отыщет брод.
Он изучил букашек нравы,
Какая рыба где живёт.

Ему любой зверёныш ведом
И словно азбука — поля.
В преданьях, переданных дедом,
Ему завещана земля.

Угадывает он погоду,
Набит приметам — не счесть.
Не знает, любит ли природу,
Поскольку сам природа есть!»¹

Народные знания, в самом деле, детальны и метки, практически универсальны по охвату предметов и явлений макромира, однако ненаучны.

¹ Рязанов Э. Любовь — весенняя страна. М., 2017. С. 281–282.

Они относятся к другим типам знания по сравнению с наукой. А именно: обыденно-практическим и профессионально-практическим. Не хуже и не лучше науки, а другого предназначения. В повседневной жизни и мало-мальски квалифицированной работе без них — никуда. Учёные ведь прорываются к глубинной сути явлений, обобщают информацию до принципов, законов, теорий. Однако научные знания, объясняя природу и общество, человека и его сознание, не дают рецептов, советов относительно правильных поступков в быту или на работе. Это дело не научного, а практического разума. Этот последний конкретен и ситуативен. Оставаясь за пределами науки, способный, неглупый, энергичный человек может с многолетним опытом прекрасно разбираться в какой-нибудь не слишком отвлечённой области. Самый подходящий нам пример — коллекционеры. Они собирают всё на свете — от монет до спичечных этикеток. Могут проконсультировать и учёных нумизматов, и историков относительно каких-то деталей, раритетов из своего или чужого собрания. Но сами они не исследователи, а знатоки. Знаточество — вполне почтенное, полезное, но поверхностное, описательное знание. Оно лишено научного контекста, научной систематичности и научной глубины. Мы не раз встретимся со знаточеством на страницах этой книги. Именно его разновидностью следует признать так называемое краеведение. Им по душевному призванию занимаются не профессионалы, а любители — природы, истории, искусства, культуры вообще. Тот факт, что у многих так называемых (по сути — самозванных) краеведов есть аттестат о среднем, диплом о высшем образовании, а кое-кто из них даже приобретают учёные степени (по знакомству с кастовыми, но продажными учёными), ничего не меняет в их дилетантском состоянии. Краеведы бывают полезны, а бывают вредоносны. Что-то из прошлого и настоящего «своего» региона они сохраняют, доносят до сведения земляков, а что-то выдумывают, искажают, даже просто не понимают и не знают — из того, что знать должны, берясь за такого рода вопросы.

Нечто подобное народной медицине да метеорологии, только в гуманитарной плоскости, представляет собой так называемая **«народная археология»**.

Этиологическая роль фольклорного сознания в полной мере даёт себя знать по поводу памятников старины, топонимических названий, археологических находок, о которых имеются исторические предания практически в любой местности с достаточно аборигенным населением. У того обычно имеется собственное мнение о происхождении, первоначальном значении материальных остатков далёкой старины. Наряду со вполне понятными фантазиями и даже нелепицами на сей счёт (служащими предметом лингвокультуроведения), фольклорные сообщения способны сохранять в себе на протяжении веков и даже тысячелетий крупицы историко-археологической истины (что небезынтересно уже и историку самой исторической науки, и в особенности археологии).

Гор. Курскъ. Видъ отъ церковнаго моста.

http://okj.kursk.ru/*Курск дореволюционный*

*На старой открытке — в уресе реки Пускари
часовня на месте легендарного «источника Феодосия Печерского».
С сайта «Курск дореволюционный».*

К числу коренных, изначальных губерний России относятся более или менее южнорусские, включая Орловскую, Курскую (тогда с Путивлем и Белгородом), Воронежскую, Тамбовскую (с Липецком). Их крестьянское население всегда в принципе верно определяло городища как заброшенные укрепления, а курганы как стародавние могилы. Более того, в народных именах тех и других памятников наметилась их самая общая классификация, прежде всего периодизация, в основе своей верные. А именно, «по-курски» и в сопредельных Курщине областях старейшие городища именуются «городами», «городками», «городенсками», «городнями», «валами» (по наиболее заметной со стороны части этих земляных памятников), «тарелками» (то же внешнее подобие перевёрнутой миски) и похожими именами. Всеми этими названиями метко подчёркнут исходный в Древности и Средневековье признак любого поселения городского типа — наличие вокруг него укреплений (валов и рвов, стен-частоколов).

Остатки же позднейших укреплений начала Нового времени, когда появляется огнестрельное оружие, именовались народом с учётом этого обстоятельства — «бастионами», «редутами», «брустверами», «окопами» («шанцами») и подобными названиями.

Те руины поселений, относительно которых рельеф местности не позволяет высказаться с полной определённоностью, называются местными жителями обобщённо-безлично. Например, «пониры», «нырища», то есть

поникшие развалины былых строений; «горы», «горки», «бугры», «увалы», «рвы» или как-то ещё.

А могильные холмы увеличенных по сравнению с теперешними размеров — курганы — в принципе верно оценивались как кладбища языческой поры (хотя порой и археологические городища именуются в народе курганами; как видно потому, что они тоже рукотворные насыпи земли, а на их территории в свою очередь встречаются ранние и поздние захоронения).

*Рабочий момент на раскопках Липинского селища в Октябрьском районе
Курской области экспедицией В.В. и О.Н. Енуковых, 1993 год.
В расчищаемой постройке обнаружен скелет её хозяйки. Фото автора.*

Между тем в образованных кругах русского общества довольно долго держались ошибочные, надуманные в кабинетах представления обо всех этих археологических объектах. Вплоть до второй половины XIX века большинство наших археологов считало городища «местами языческого богослужения древних славян» — капищами (например, польский путешественник по России Зориан Доленга Ходаковский, профессор Санкт-Петербургского университета и академик-языковед Измаил Иванович Срезневский), а курганы «укреплёнными или подзорными высотами от набегов татарских» (ещё один академик — Павел Иванович Кёппен) или же остатками жилищ (историк-славист Юрий Иванович Венелин).

Впоследствии, когда на Европейской территории России начались методичные и планомерные раскопки городищ и курганов, *опросы местного населения* помогли учёным археологам составить их первые указатели и

карты (О первом систематическом анкетировании такого рода в губерниях и уездах, организованном профессором Д.Я. Самоквасовым, расскажу ниже, в посвящённом ему разделе этой книжки).

С тех и до сих пор в план любой археологической разведки, а тем более этнографической экспедиции, фольклорной практики студентов-филологов, входят беседы с местными жителями по поводу исторических древностей соответствующей округи. Получаемые таким образом сведения носят, как правило, достаточно общий и выборочный характер — в более или менее реалистичной своей части. Как моллюск навивает вокруг попавшей в его створки песчинки слои жемчуга, так и фольклорное сознание топит частицы исторической истины, фактов в гуще более или менее произвольных с точки зрения учёных специалистов фантазий. Таким образом, обычно оно сочетает в себе на исторический счёт бóльшую долю заблуждений и меньшую долю относительной истины².

Когда первые наши краеведы и учёные в XVIII и, особенно, в XIX веках начали расспрашивать своих земляков-крестьян, ремесленников, торговых, церковно-монастырских и прочих людей насчёт памятников старины, у тех почти о каждом из них имелись свои собственные версии или догадки. Чаще всего, разумеется, неточные, упрощённые, а то и просто баснословные. Типичной разновидностью такой, народной, «этимологии» служат *легендарные истолкования тех или иных географических названий*. К примеру, следующее: «... И в великом гневе царь с громом опустил свой могучий кулак на дубовую столешницу — казаков рода Мищенко с Дона выслать! Вот так и появилось на рыльской земле [Курского края] село Большегнеушево. А с таким названием потому, что своё решение Пётр I принял в большом гневе»³. Наличие по соседству села Малогнеушева этой романтической выдумкой в расчёт не берётся (В.И. Даль в связи с подобными топонимами приводит фамилию дворянского рода Гневашевых, представителям которого могли принадлежать сёла с подобными названиями).

Внешние созвучия и случайные совпадения питают всю историческую географию народного сознания, всегда позднейшего и потому фантастичного, по сравнению с настоящими авторами того или иного гидронима, топонима или урбанонима.

² См. об этом подробнее: *Чеснов Я.В.* Этнический образ // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 71–73; *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993; *Щавелёв С.П.* Гносеология фольклора (Постановка проблемы на примере историографии и археологии) // Фольклор и мировая культура. Тезисы докладов научной конференции «Юдинские чтения–98» (г. Курск, 12 февраля 1998 г.). Курск, 1998. С. 83–87.

³ *Герасименко С.* Потомок донских казаков // Курская правда. 1994. 9 декабря. С. 1.

*Монета Екатерины II номиналом 10 рублей 1762 года чеканки.
Репродукция с сайта raritetus.ru.*

«Татары кричали:
— Там руса!.. —
С тех пор и легенда крепка,
Что будто отсюда Таруса
Пошла — городок и река»⁴.

Массой фантастических анекдотов обрастали со временем путешествия через курские земли разных знаменитых людей, вроде Екатерины II (в 1787 году)⁵ или А.В. Суворова (в 1798 году)⁶, Александра I (в 1817 и 1820 годах) или Николая I (в 1835 году)⁷.

А вот совсем недавний — и очень редкий пример объективной проверки народной молвы. В 2017 году был устроен всероссийский конкурс самых старых деревьев России. Победило дерево из посёлка Дубового Белгородской области — черешчатый дуб. Согласно местной легенде, его посадили гетман Богдан Хмельницкий и сподвижник Петра Великого князь Григорий Ромодановский в честь воссоединения Украины с Россией. Проверка установила, что дубу 188 лет⁸, что не согласуется с упомянутым историческим событием⁹. Но дерево и вправду великолепное...

⁴ Корнилов В. Избранное. Стихотворения и поэмы. М., 1991. С. 134.

⁵ См.: Лупанова М.Е. Путешествие Екатерины II по России в 1780–1787 гг. // Вопросы истории. 2009. № 2.

⁶ См.: Фукс Е. Анекдоты князя Италийского, графа Суворова Рымникского... СПб, типография А. Смирдина, 1827.

⁷ См.: Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / Отв. ред. М.В. Лескинен, О.В. Хованова. М., 2016.

⁸ Огонёк. 2017. № 41. 16 октября. С. 6.

⁹ См.: Антонов В.А. «Воссоединение Украины с Россией» и «присоединение Украины к России» в 1654 году в источниках XVII века // Вопросы истории. 2017. № 4.

Этот самый белгородский дуб — победитель всероссийского конкурса старых деревьев 2017 года. Фото с сайта: robedrix.com

Представители исторического краеведения, журналисты различных средств массовой информации, а в последнее время даже работники средней и высшей школ, библиотек, музеев, других учреждений культуры и просвещения, охотно и некритично пересказывают этого рода перлы народной фантазии, образцы традиционного нарратива на исторические темы, выдают их за исторические факты¹⁰. Благодаря такой вторичной популяризации народно-исторические сюжеты вульгаризируются, происходит подмена и, значит, взаимная аннигиляция, отрицание отдельных их функций, мирно сосуществующих на разных уровнях общественного сознания — научно-литературном и фольклорно-нарративном. Однако сколько-нибудь эффективно противостоять такого рода «жанровому инбридингу» в процессе внутрикультурных коммуникаций представителям грамотного краеведения и академической науки до сих пор не удавалось. И не только по причине их пассивности или снисходительности «к меньшим братьям» по краеведческой части, но и в силу интеллектуального иммунитета последних к поправкам и доводам со стороны профессиональных историков.

¹⁰ Вот курские образцы подобной топонимической, этимологической наивности любителей местной истории: Бугров Ю.А. Курские встречи. Воронеж, 1991. С. 136–139; Курский край: история и современность / Сост. Б.Н. Королёв. Курск, 1997. С. 205–206; 213; Курский край в истории Отечества / Отв. ред. Л.С. Полнер. Курск, 1998. С. 18–19, 53–54, 68. Авторы и составители этих книжонок взахлёб пересказывают побасенки народной молвы как истинную правду исторического сознания. Грамотёшки не хватило обладателям учёных степеней.

Что, видимо, свидетельствует о принадлежности краеведно-журналистских басен и баек о старине к низшим и новейшим течениям самого фольклора.

Между тем, истинно народная фантазия на историко-археологические темы отличается долей самоиронии. Та могла подогреваться извечным предубеждением обычных работяг к «шибко образованным», «белой кости» с её «ненужными причудами» наподобие поисков каких-то бесполезных древностей. Тогда памятники старины служили поводом к розыгрышу, осмеянию любопытствующих чужаков.

Как видно по этой раскрашенной лет сто назад открытке с видом на реку Тускаръ у моста в слободу Ямскую, одни названия географических мест (топонимы) уходят из народной молвы, а другие сохраняются до наших дней ¹¹. С сайта «Курск дореволюционный».

Так, известные всем пришлым изыскателям древностей южнорусской, да и всей остальной российской глубинки, рассказы старожилов о «золотой карете», «золотом баране», «корабле с золотом», «казне Бонапарта», «золоте Колчака» и всех прочих возможных сокровищах, потерянных или захороненных некогда тут или там; подземных ходах от одного монастыря или кремля к другому; разные другие рассказы в том же баснословном роде, во многих случаях несут явственный привкус сознательной мистификации или же просто сказочной условности. В сказку-то (в отличие от мифа, эпоса) взрослые люди не верят. Но наши российские краеведы, по большей части, что дети малые — доверяют любым присказкам своих информаторов. Об

¹¹ О Фёдоре Ивановиче Печке, германском подданном и курском купце, его успешном предприятии по выпуску винно-водочной продукции и печальной судьбе после революции см. на сайте «Наш остров».

этом с мягким юмором говорится в одной настоящей литературной сказке — замечательного эстонского автора Эно Рауда (1928–1996) про сказочных человечков накситраллей, один из которых попался на пути любителей изучать свой край. «Краеведы были в восторге. Разных крынок и прялок они собрали уже великое множество. А теперь... Теперь им попало нечто выдающееся. Волчий приёмш... Наконец-то что-то настоящее, что-то живое! О волчьем приёмше можно даже в газету написать. Таким образом, из них, краеведов, могут когда-нибудь получиться настоящие учёные! ... Муфта понял, что краеведам невозможно что-либо объяснить. ... Краеведы заинтересованы в открытии чего-то необычайного, и теперь они считали: такое открытие было ими сделано»¹².

С другой, уже не вульгарно-краеведческой, а более серьёзной, нравоучительной стороны, народные представления о далёком прошлом, его событиях и персоналиях, в структуре массового сознания наиболее интенсивно подвергались и подвергаются так называемой «вторичной фольклоризации». Имеется в виду их разновременное «заражение» книжно-научными, литературно-художественными представлениями об истории края, страны, всего мира. Носители традиционной культуры всегда находились и до сих пор находятся в контакте с представителями книжного знания — школьного, библиотечного, музейного, научного, литературно-художественного, журналистского, политического. Механизмы и глубина отмеченного обратного, так сказать, *влияния науки и авторского искусства на «фольклорную историографию»* (а тем более их взаимовлияния) прояснён пока весьма слабо и требует специальных изысканий применительно к отдельным сюжетам историзирования человеческой памяти¹³.

Когда мне привелось читать в родном медицинском университете актовую лекцию по случаю очередного юбилея российской государственности, я её прочёл в духе победившего на постсоветском пространстве норманизма¹⁴, да ещё с собственными конспирологическими

¹² Рауд Э. Муфта, Полботинка и Моховая Борода. М., 1999. С. 129.

¹³ См., в частности.: Штырков С.А. Исторические предания и перспективы изучения традиционных нарративных практик // Мифология и повседневность. Материалы научной конференции. Вып. 2. СПб., 1999.

О жанровых разновидностях фольклорного нарратива см.: Азбелев С.Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965; *Его же*. Русская народная проза // Народная проза. М., 1992 (Библиотека русского фольклора. Т. XII). С. 6–9. Для нашего изложения разница отмеченных жанров не слишком существенна.

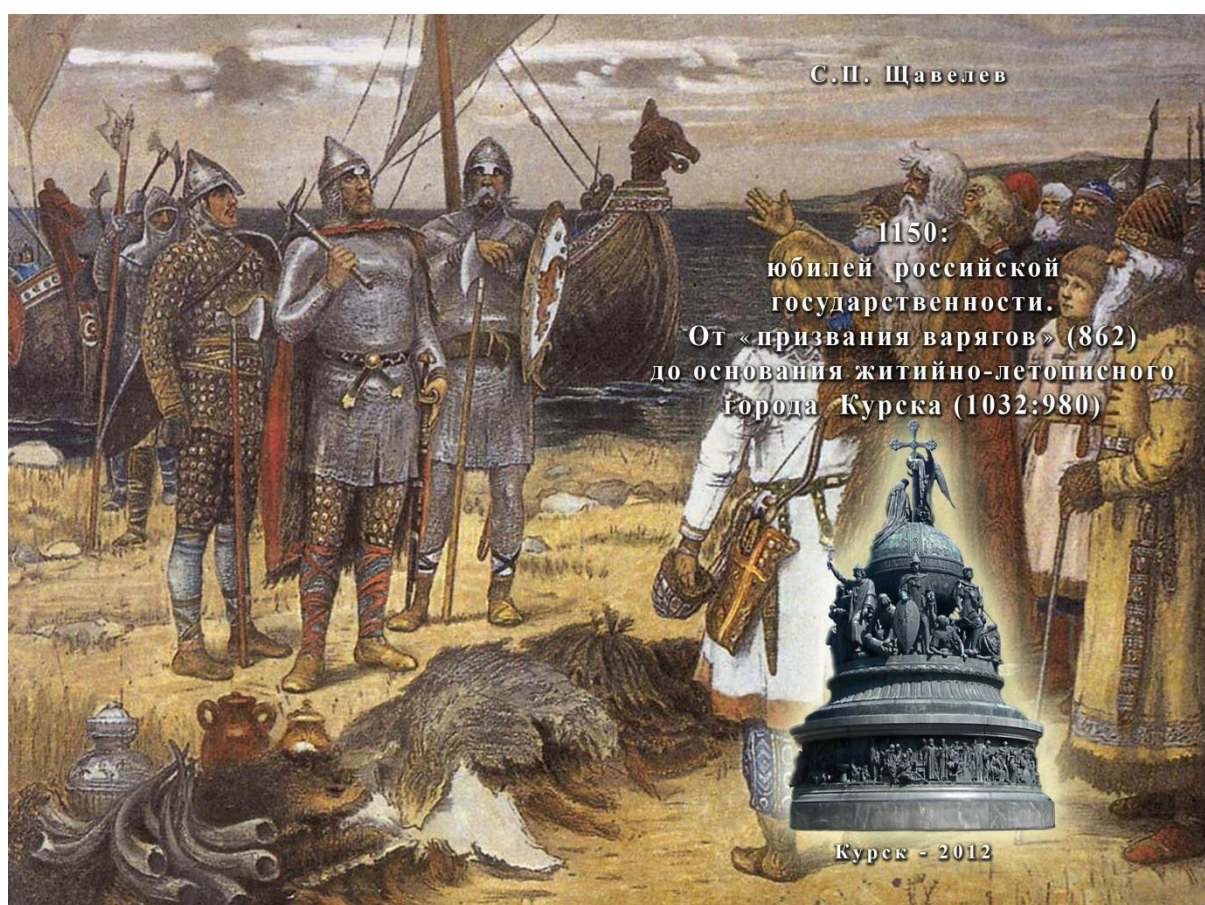
О значении исторических преданий для воссоздания истории и вообще характеристики земляческих сообществ, соотношении преданий и письменных источников см.: Гомаюнов С.А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 162–163.

¹⁴ Щавелёв С.П. 1150: юбилей российской государственности. От «призвания варягов» (862) до основания житийно-летописного города Курска (1032: 980). Актовая речь в день 77-й годовщины университета на открытом заседании Учёного совета. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2012. 40 с., илл.

выкладками по поводу особой миссии Рюрика и его кампании ¹⁵. В итоге один из членов президиума, тогда номинальный глава города Курска, да ещё, как и я, некогда закончивший историко-педагогический факультет, подал реплику: «Ну, мы-то с вами, С.П., знаем, что первые страницы летописи подложные, там про Рюрика и его призвание славянами всё фальсифицировано...». Кивнув ректору, я предусмотрительно промолчал.

Эта моя брошюра оказалась каким-то чудом в Интернете и была подвергнута «критике» печально известным «антинорманистом» доцентом В.В. Фоминым из Липецка в одном ряду с работами Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина и иже с ними, «норманистами». Это мне польстило.

В общем, произвольной этимологии (и этиологии) в простонародном историческом сознании «вагон и маленькая тележка». К примеру, жители курского городка Льгова (в далёком прошлом, не исключено (но и не обязательно), — летописного Ольгова) лет сто назад поведали известному

Щавелёв С.П. 1150: юбилей российской государственности.

От «призвания варягов» (862) до основания житийно-летописного города Курска (1032: 980). Актовая речь в день 77-й годовщины университета на открытом заседании Учёного совета. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2012. 40 с., илл.

¹⁵ См.: *Щавелёв С.П. Политический проект Рюрика: опыт конспирологической истории начала русской государственности // Начало русской государственности в IX веке и её возрождение в первой четверти XVII века. Материалы международной научной конференции 25–27 ноября 2012 года. Брянск, 2012. С. 107–114.*

фольклористу М.Г. Халанскому поверье об основании их поселения княгиней Ольгой ¹⁶ (хотя в исторической действительности речь может идти о каком-то из князей по имени Олег).

А обитатели одной из курских деревень с одинаковым названием Ржава воображали, будто тут «некогда жил татарский баскак и потому "Ржава всей округе держава"» ¹⁷. На самом деле это название этимологизируется, скорее всего, по рыжему («ржа») цвету застоявшейся воды в лужах подтапливаемых разливом рек лугов. А ордынский наместник Ахмат действительно правил частью Курского княжества на исходе XIII века, и здешние книжники могли узнать об этом из трудов Н.М. Карамзина или С.М. Соловьёва, или же из лекций в местном пединституте или даже на школьном уроке у подготовленного учителя истории.

В упомянутых и многих им подобных ситуациях не приходится сомневаться во «вторичной фольклоризации» сведений, сравнительно недавно, в новое или же в новейшее времена почерпнутых кем-то из местных жителей из школьного учебника; или, не исключено, какого-то исторического романа.

А когда литературные источники, доступные широкой публике, о главных названиях края умалчивали, народная фантазия прибегала к прямым словесным аналогиям, в своём абсолютном большинстве случайным — других объяснительных резервов в её распоряжении не оставалось.

Таким вот образом на гербе Курска и его губернии воспарили куропатки. Этих птиц, в действительности, здесь не больше и не меньше, чем в соседних Орле или Воронеже. Но народная этимология интуитивно почуяла «птичий» корень в названии родного города. Вот птичья этимология и выручила курян, задумавшихся над происхождением их земляческого имени. Как оно было на самом деле, историки и топонимисты спорят по сей день ¹⁸.

Несмотря на примесь книжно-литературных вкраплений, фольклор в целом был и остаётся хранилищем социальной памяти о прошлом, какой-то её части. Правда, эта память очень избирательна и прихотлива. События

¹⁶ Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904. С. 50.

¹⁷ Благовещенский Н.А. Четвертное право. М., 1899. С. 182.

Николай Андреевич Благовещенский (1859–?) — недооценённый исследователь курской старины. Википедия сообщает, что он родился и вырос в Курске; закончил юридический факультет Императорского Московского университета; после чего работал в курском земстве статистиком. Участвовал в переписи населения Курской губернии в 1870-х годах, материалы которой до нас не дошли, но частично отразились в его исследованиях про курских и орловских крестьян-однодворцев: «Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. Т. 1. Крестьянское хозяйство» (М., 1893) и процитированное мной выше «Четвертное право».

¹⁸ О разных версиях этимологии летописно-житийного Курска см. мои работы: *Щавелёв С.П.* «Курескъ на Тускоре»: происхождение названия и возраст города // Городские известия. 1995. 14 ноября. № 135. С. 3; *Его же.* Имя города Курска: историко-археологические материалы к этимологии // Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных. Тетрадь первая / Под ред. А.Т. Хроленко. Курск, 1997. С. 3–10, 11–22.

далёкого прошлого отражаются в ней частично и причудливо. Нередко «с точностью до наоборот». Самый известный пример заключается в русских былинах богатырского цикла: там киевские воины побеждают всяких идолищ да змеищ, тогда как в действительности татары надолго поработили Русь. Основной мотив исторических сказаний кроется в серьёзных пластах души народа, её нравственно-эстетических глубинах. На взрывоопасном, издавна «бунташном», пограничном юге Руси-России, в отличие от исторически «подмороженного» её же Севера, не сохранилось оригинальных былин и быличек — о богатырях Владимира Красна Солнышка и прочих персонажах героического эпоса русских. Население Юга менялось слишком часто и тотально на протяжении Средних веков и раннего Нового времени. Первые монографические исследования собственно по обсуждаемой теме главы выполнены поэтому на северорусских материалах ¹⁹.

Однако позднейшего, отчасти вторичного происхождения, более мелких жанров предания схожего содержания бытовали и много южнее Новгородчины да Архангелогородья. Южнорусская степь, неподражаемо воспетая в одноимённой повести А.П. Чехова, вызывает у путника соответствующие впечатления: «Попадается на пути молчаливый старик курган или каменная баба, поставленная Бог ведает кем и когда, бесшумно пролетит над землёю ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки-степнячки и всё то, что сам сумел увидеть и постичь душой» ²⁰. Насчёт каменных баб, положим, археологи помаленьку разобрались (умом, а не «душой»), кто и когда их поставил, да и что хотел этим сказать. Но писателю, художнику это сухое объяснение ни к чему; ему подавай загадку, романтику, которые питаются неизвестностью, туманностью мыслей. По этим же эстетической, этической причинам народное сознание чаще всего глухо к объяснениям историков, гипотезам археологов. Народ не желает расставаться с тайной своих предков, менять её на прозаическую истину науки. Разные типы сознания, как пояснялось выше.

¹⁹ См.: *Панченко А.А.* «Провалившаяся церковь». Археология и фольклор // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. 24–26 января 1995 г. Новгород, Вып. IX. Новгород, 1995; *Его же.* Категория исторического времени в фольклорном сознании (народные сказания об археологических памятниках Новгородской земли) (Проект РГНФ) // Поиск. 1996. № 15. С. 8; *Его же.* Народное православие. Деревенские святые Северо-Запада России. 1998; *Криничная И.А.* Русская народная мифологическая проза. Т. I. Истоки полисемантизма образов. СПб., 2001; Т. 2. Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. Петрозаводск, 2000.

А применительно к этнографически экзотическим, северо-восточным окраинам России см. для примера: *Боброва А.И., Максимова И.Е.* Фольклор и археология (к поиску методики) // Четвёртые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1997.

²⁰ *Чехов А.П.* Степь. История одной поездки // Собр. соч. в 12 тт. Т. VI. Повести и рассказы. 1888–1891. М., 1962. С. 51–52.

Самое худшее, когда на якобы тайнах далёкого прошлого спекулируют националисты и расисты, которые сейчас экспансионируют в Интернете. Тема «Этнография, археология и фольклор» узурпируется какими-то несусветными по невежественной бредовости «ведическими информационными агентствами» и прочими «родноверами».

*Центрально-Чернозёмный биосферный заповедник «Стрелецкая степь»
имени В.В. Алёхина. Фото с сайта «Русский мир».*

Для историка-медиевиста и археолога особый интерес представляют те или иные этнокультурные реалии далёких веков, сохранённые фольклорным сознанием местного населения. Вполне естественно для столь протяжённой временной дистанции, что соответствующие названия, прозвища, толкования видоизменяются и как-то переосмысливаются от поколения к поколению их носителей. Наиболее *архаичные сведения фольклорного происхождения кристаллизируются в исторической топонимике*, её древнейших пластах, — народных названиях водоёмов, возвышенностей и низменностей, разных других угодий и урочищ, населённых пунктов, старинных строений и их руин, прочих элементов ландшафта. Разноязычные по происхождению надписи, теснящиеся на картах любой области Южной России — иранские, балто-литовские, финно-угорские, тюркские, славянские и ославяненные — суть своеобразный путеводитель по истории заселения соответствующего края людьми разного рода-племени в отдалённые эпохи. К историко-филологическому объяснению этих названий привлекаются легендарные в массе своей рассказы местных жителей об их происхождении, значении.

Скажем, крестьяне села Гуйвы (современная транскрипция этого топонима — Гуюво) объясняли свои находки на пашне и в городах древних вещей вроде лепных горшков, оселков, обожжённых костей и прочих предметов тем, что «по преданию здесь жили севрюки»²¹. В этом последнем имени слышится отдалённое рядом веков воспоминание если не о летописных северянах, то по крайней мере о позднейшей по сравнению с ними Северщине времён присоединения этих земель к Великому княжеству Литовскому, а затем к Московской Руси. По утвердившемуся в исторической археологии предположению Александра Андреевича Спицына, «в XVII веке население края, в отличие от переселенцев-малороссиян, приняло название севрюков, идущее от старого его племенного названия»²² летописных «северян». Поэтому на самой границе Курской губернии с Украиной, за селом Глушковым две городищенские насыпи назывались Севрюками; существовал в тех краях до новейших времён и посёлок Севрючий. Устойчивое присутствие здесь северянских названий выглядит вполне реалистично, поскольку в этом районе археологами изучено одно из самых крупных скоплений памятников роменской археологической культуры, отождествляемой учёными с летописными северянами. Роменская археологическая культура окончательно нивелируется и повсеместно заменяется здесь общерусской к середине XI века; северяне как этноним последний раз упоминаются в летописи под (условным) 1024 годом. Степень же реальной исторической преемственности домонгольского, татаро-литовского и московского периодов развития курского края остаётся пока недостаточно ясной.

В составе русского героического эпоса имеется даже былина «Севрюк». О различных (по диалекту, одежде, обрядам) группах крестьянского населения Курщины — так называемых саянах, цуканах, горюнах — потом, в XVIII — начале XX века писали этнографы и фольклористы, предполагая в тех или иных из этих групп потомков переселенцев эпохи Московского царства. Относительно же севрюков среди исследователей до сих пор сохраняется разница мнений. Большинство авторов ограничивают их старожительность на юго-восточной «Украине» поздним Средневековьем, XV–XVI веками.²³ С этого времени севрюки

²¹ Анкета Императорского Московского Археологического общества 1900 года по составлению археологической карты Курской губернии // Рукописный архив ИИМК РАН (СПб.). Ф. 4. Оп. 1901 год. Д. 168. Л. 70.

²² Спицын А.А. Русская историческая география. Пг., 1917. С. 22.

²³ См.: Багновская Н.М. Севрюки. Население Северской земли в XIV–XVI вв. Депонировано в ИНИОН АН СССР № 2640 от 4 октября 1978 года; *Её же*. Сложные вопросы этнической истории летописной северы (постановка проблемы) // Проблемы истории СССР. Вып. VIII (С древнейших времён до 1861 года). М., 1979; *Её же*. Этническая история Северской земли (Основные этапы этнического развития населения). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1979; *Её же*. Севрюки (Население Северской земли в XIV–XVI вв.) // Вестник МГУ. Серия 8. «История». 1980. № 1; *Её же*. Северская земля: историко-этническое формирование и развитие населения в VIII–XVIII вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. н. М., 2001; *Её же*. Севрюки: население Северской земли в XIV–XVI веках.

фигурируют в поздне летописных источниках. Более романтично настроенные авторы допускают в севрюках прямых наследников здешних аборигенов — летописных северян домонгольского периода ²⁴.

Село Севрюки в Гомельскаой области Белоруссии. Село с тем же названием расположено и в Красиловском районе Хмельницкой области Украины, а с похожими есть и в России.

При обсуждении вопроса о севрюках до сих пор не учитывался, сколько мне известно, уникальный в нескольких отношениях источник — былина «Севрюк», записанная Н.Я. Янчуком, да ещё при помощи фонографа, в окрестностях города Лубен Полтавской губернии, от старика певца, рыбачившего на реке Суле, в 1912 году. ²⁵ Несмотря на южный регион и поздний срок фиксации, этот текст больше походит именно на былинку

М., 2002. 48 с.; *Её же*. Северская земли в составе Великого княжества Литовского // Интернет. 2017 год; *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., 1988; *Её же*. Этнокультурная история южнорусского населения // Этнографическое обозрение. 1998. № 5.

²⁴ См.: *Русина Е.В.* Формування і зміст топоніму «Сіверська земля» // Украинский исторический журнала. 1990. № 6; *Её же*. Северская земля: генезис и историческая эволюция XIV–XVI вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Киев, 1991; *Дынин В.И.* Когда расцветает папоротник... (Народные верования и обряды южнорусского крестьянства XIX–XX вв.). Воронеж, 1999.

²⁵ См.: Севрюк (малорусский вариант былина о Кострюке) // Памятники мировой литературы. Русская устная словесность. Т. II. Былины. Исторические песни / Под ред. *М.Н. Сперанского*. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 551–554. Цитаты их былины по этому изданию. За указание на неё в бесчисленный раз благодарю Алексея Сергеевича Щавелёва (Институт всеобщей истории РАН).

(старину), нежели на историческую песню. Приведу основные тезисы из ритмизированного текста. Итак, Севрюк, он:

- «не простой син, / севрюк, знать, татарин бил»; «симсот»;
- «девять сот й-а Донського козака побидив»;
- после чего он же обращается к «царю, всиму свету осударю» с предложением выставить против себя «борца-молодца»;
- этого противника Севрюк решительно побеждает, равно как и следующего своего поединщика;
- пока третий, брат двух поверженных противников, не побеждает точно так же самого Севрюка.

На вопрос фольклориста: «Кто же такой был этот Севрюк?» сказитель отвечал: «Севрюк був богатырь сильно-могущий; тепер их зничтожено, запрещено им на вийну ходити, а вийском воюють».

Если разобраться, то у каждого из выделенных компонентов текста можно усмотреть вполне определённые предпосылки в истории юго-восточной Руси – России.

Сергей Васильевич Иванов (1864–1910).

«На сторожевой границе Московского государства». 1907 год.

Местонахождение неизвестно. Репродукция по изданию М.Н. Кнебеля.

А именно, во-первых, исторические севрюки действительно были опытнейшими воителями. Иной контингент просто не выжил бы на этом опасном фронте между славянским Лесом и кочевнической Степью. Знаток курской старины, писатель и историк Евгений Львович Марков (1835–1903) разъяснял: «Постоянная жизнь на пустынных рубежах земли

русской, среди глухих лесов и болот, вечно настороже от воровских людей, вечно на коне или в засаде с ружьём или луком за спиной, с мечом в руке, постоянные схватки с степными хищниками, ежедневный риск своей головой, своей свободой, всем своим нажитком, — выработали в течение времени из севрюка такого же вора и хищника своего рода, незаменимого в борьбе с иноплеменными ворами и хищниками, все сноровки которых им были известны, как свои собственные»²⁶. До того, как в Поле стали периодически высылаться московские войска, именно на севрюков была возложена обязанность охраны рубежей Северной земли. В Диком Поле они имели свои стоянки-ухожаи, откуда выезжали патрулировать степи, отыскивать татарские пути-сакмы.

Во-вторых, кроме и после татар, сперва золотоордынских, а затем ногайских да крымских, жители летописной Северщины сражались какое-то время с украинскими казаками, так называемыми черкасами²⁷ и, в общем, защитили от набегов тех и других новые рубежи Московского государства.

В-третьих, конец их этноидной автономии положили только события Смутного времени в Московском царстве. Тогда севрюки поддержали Лжедмитрия I и потому навлекли на себя законные репрессии московских властей (1613 год, после чего это название исчезает со страниц письменных источников, но, как видим на примере рассматриваемой былины, доживает свой век в устной молве).

В конце концов московская экспансия привела к ассимиляции и севрюков как аборигенного населения, и разного рода пришельцев на их территорию, так что однозначно отождествить тут или иную диалектно-культурную группу с историческими предшественниками тут стало практически невозможным. Попытка дилетантов в археологии отнести к потомкам севрюков этнодиалектные группы среди курских крестьян, сохранявшихся аж до большевистской коллективизации, таких как саяны²⁸ или горюны²⁹, наивна и необоснованна.

²⁶ Марков Е. Клады старой Северщины. Местные заметки на древнюю рукопись о кладах // Памятная книжка Воронежской губернии [на] 1902 г. Воронеж, 1902.

²⁷ Так называемыми «воровскими» черкасами, то есть изменниками по отношению к Москве, а другая — союзная Москве часть украинских казаков числилась черкасами «своими».

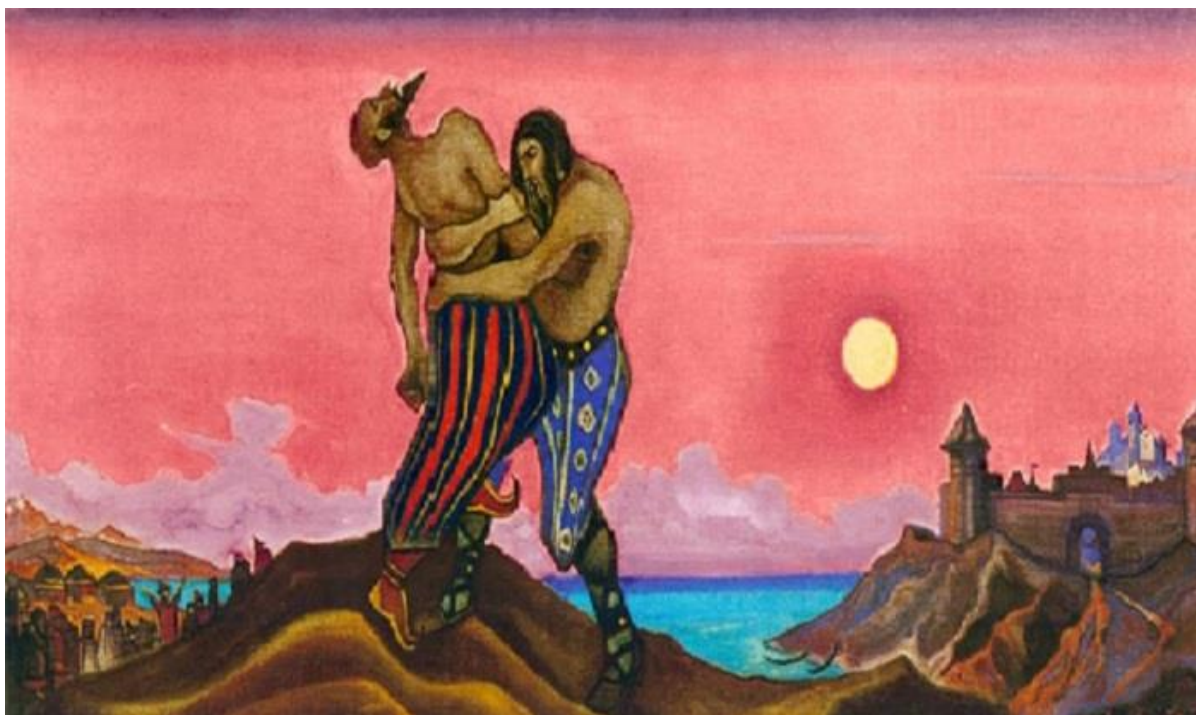
²⁸ См.: Шпилёв А.Г. Этнографические параллели к костюму танцующей девушки на браслетах XII в. из ГИМа // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Материалы международного научно-образовательного семинара 26–26 ноября 2011 г. М. – СПб., 2011.

Покрой женской одежды отдельными деталями, начиная с удлиненных рукавов, действительно схож. Но почему на украшении общерусского типа отразились неизвестные нам особенности курско-посеймской моды, да ещё дорусского, роменского этапа, понять нельзя. Фантазия автора идёт от вещи киевского круга XII–XIII веков к фотографиям XIX столетия, а от них — к «эпохе перед образованием Древнерусского государства», то есть к VIII–IX векам. Может, ему ещё поискать аналогий на античных вазах или фаянсовых портретах? А то и в контурах одеяний палеолитических «венер»...

²⁹ См.: Ракитин А.С. Севрюки — коренное население Северной земли // Сборник статей и материалов, посвящённых деревне Любощь и местам, её окружающим. 2009 // Сайт С.В. Кочевых Diderix.

Наконец, выглядящая вполне былинной картина поединков Севрюка очень похожа на один известный эпизод раннего летописания, а именно, — схватку тьмутараканского на тот момент князя Мстислава Владимировича с князем касогов Редедей. Под 1022 годом «Повесть временных лет» сообщает: «В то время Мстислав находился в Тмуторокани и пошёл на касогов. Услыша же это, князь касожский Редедя вышел против него. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: "Чего ради погубим дружины? Но сойдёмся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое всё". И сказал Мстислав: "Да будет так". И съехались. И сказал Редедя Мстиславу: "Не оружием будем биться, но борьбою". И схватились бороться крепко, и в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был рослым и сильным Редедя. И сказал Мстислав: "О пречистая Богородица, помоги мне! ..." И сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и ударил его ножом в горло, и тут был зарезан Редедя»³⁰.

Почти так же Севрюк требует у царя «борца-молодца», чтобы не воевать всем войском, как стали воевать позднее (пояснение сказителя). «Як схватил Севрюк борьца / Й-а за праве плечо, / Та за ливе ребро, / ... Як трахнул ёго / Об сирую землю / Об зёлену муравицю. / Севрюк борьца / Он по пояс у землю вбив, / А по шию кровь облив / По печонки руки у крови потопив...».

*Н.Е. Перих. «Единокорство Мстислава с Редедей». 1943 год.
Русский музей. Санкт-Петербург.*

Опуская развёрнутую аргументацию, можно сделать вывод, что в отличие от всех прочих «летописных племён» (вроде древлян или полян)

³⁰ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века. СПб., 1997. С. 189.

северяне как этноним и особая группа населения пережили татаро-монгольское нашествие и под названием северюков населяли юго-восточные пределы бывшей Руси, поделённые было в XIV–XVI веках между Литвой, Ордой и Москвой, а в конце концов покорённые этой последней. Только с началом Нового времени, когда граница Московского царства поползла южнее Сейма, северюки ассимилировались в южной части великорусской народности и перешли в область былинных преданий.

Связь со столь же древними этнонимами предполагается в таких курских названиях сёл и деревень, как Косоржа, Касожичи и т.п. В XVII столетии близ одного из старейших городов Курского Посеймья Рыльска существовала целая «Касожская волость». Не исключено, что перед нами топонимическое свидетельство пребывания здесь выходцев с Северо-Западного Кавказа — летописных *касогов* (предков нынешних адыгских народов Кавказа — кабардинцев, черкесов, адыгейцев). Их, как известно из «Повести временных лет», покорил на рубеже 10–20-х годов XI века князь Мстислав Владимирович Лютый³¹. Объединяя Тьмутараканское и Черниговское княжества под своей властью, он использовал хазарские и касожские войска, часть которых и могла быть размещена тогда на будущих Северских землях³².

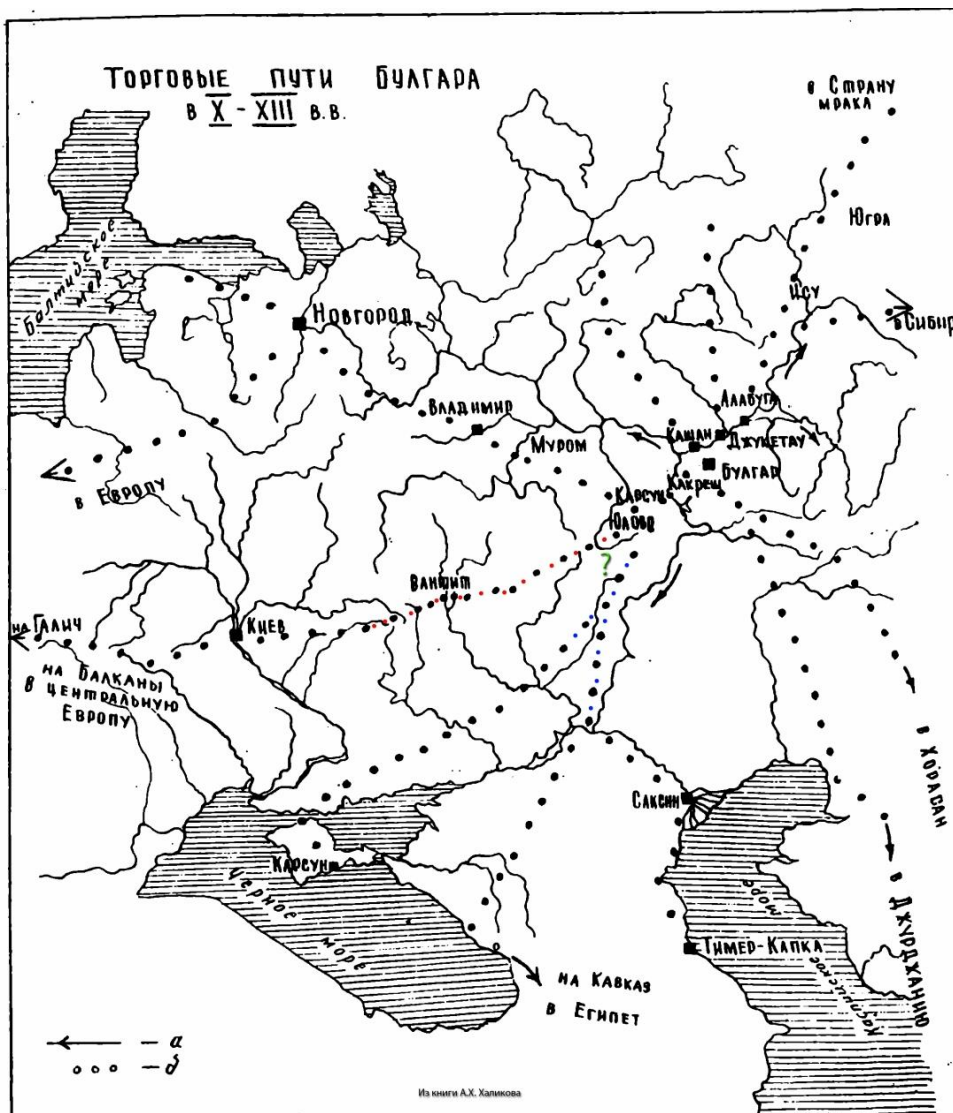
Если хорошо поискать, может, и найдутся ещё какие-то убедительные следы исторических реалий в здешней топонимике.

Иные древнерусские топонимы юго-востока этимологизируются исторически куда более проблематично. Так, восточнее районного центра Курской области Обояни два села, находящиеся на расстоянии около 70 километров друг от друга и от Гочевского комплекса городищ и курганника, носят одинаковое название «Истобное». Б.А. Рыбаков толкует это название как «заброшенная изба» = «тёплое помещение» = «постоялый двор» (славянорусов) = «караван-сарай» (среднеазиатов) = «ал-аттаба» (арабских географов Средневековья, описывавших путешествия к славянам и

³¹ Определение из Киево-Печерского патерика. См.: *Щавелёв С.П.* Мстислав Лютый — основатель житийно-летописного города Курска (к вопросу о славянских, варяжских, касожских участниках строительства Древнерусской державы) // Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів – Шестовиця, 20–23 липня 2006 г.). Чернігів, 2006. С. 227–231.

³² См. соответствующие догадки историков: *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 365; *Карпов А.* Ярослав Мудрый. М., 2001. С. 226; *Щавелёв С.П.* К вопросу о церковном строительстве Мстислава Владимировича на Днепровском Левобережье (Знаменский храм в Курске 1020-х гг.) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Зб. наукових праць, присвяченні 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів, 2007. С. 181–184; *Его же.* «Молот Тора» из Курского Посеймья (следы скандинавского присутствия среди летописных северян) // Матеріальна та духовна культура Південної Русі. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від дня народження В.Й Довженка (Чернігів – Шестовиця, 16–19 липня 2009 р.). Київ – Чернігів, 2012. С. 359–363.

на Русь). По мнению академика, известного своей склонностью к научной фантастике, здесь в древности, в X–XI веках, располагались станции на торговом пути караванов, шедших из Киева в Булгар и обратно ³³.

Прослеженный археологами гипотетический путь из Булгара в Киев и обратно X–XIII веков. Карта-схема с сайта Пензовед.РФ

Разведки и раскопки украинских, казанских и воронежских археологов на соответствующих памятниках вроде бы принесли дополнительный материал для суждений об этой гипотезе ³⁴. Курские археологи (В.В. Енуков, Г.Ю. Стародубцев) не отстают от коллег и охотно повторяют рыбаковские

³³ См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. М., 1993. С. 182–183.

³⁴ См.: Путь из Булгара в Киев / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1992; Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Сафонов И.Е., Цыбин М.В. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Вып. 1–2. Воронеж, 1997.

версии применительно ко Псёльскому Гочеву (по-рыбаковски, «Гостеву», то есть «купеческому», «гостиничному» или как-то ещё в этом роде).

Хотя такая этимология, скорее всего, может быть здесь и вовсе не при чём, а туманные высказывания арабских авторов относятся к совсем другим местностям. Но академик Рыбаков в своё время служил для большинства коллег непререкаемым авторитетом (распределял деньги на экспедиции, должности и звания), а со временем его смелые предположения повторяются некоторыми авторами как общеизвестные и достоверные, уже без ссылки на автора слишком уж смелых гипотез. Такова судьба многих элементов исторического знания, особенно при попытках его популяризации. Археологам же дороги любые крохи исторических параллелей их молчаливых объектов. Занимаясь несколько полевых сезонов каким-нибудь памятником, они мысленно приватизируют все предположения на его счёт.

Зориан Доленга Ходаковський (он же Адам Чернецкий)

— «Джеймс Бонд» раннеславянской археологии.

Рисунок Ксаверия Прека 1818 года.

Репродукция из кн.: Формозов А.А. Страницы истории русской археологии.

К тому же кругу географических маркеров маршрутов старинной торговли предположительно относятся и такие курские топонимы, как

Пристень, Пристенное (якобы от пристаней на некогда частично судоходных реках?); Волоконск, Сувалочное Мантуровского района (возможно, в местах былых волоков посуху между водными путями). А ведь и то сказать, — нынешнее Мантурово расположено на одном из самых высоких участков гряды над курским плоскогорьем; а ручей Перевалочный, левый приток Кшени, находится как раз на её водоразделе с рекой Пслом. Один из пионеров отечественной археологии и исторической географии, польский путешественник и авантюрист Зориан Доленга Ходаковский (1784–1825) ³⁵ предполагал, что «здесь проходил водный путь по реке Псёл, потом волоком до истоков Перевалочного, далее по Кшени до её вершины, а потом посредством Рогозца переходили в реку Оскол» ³⁶. Особенно выгодным для судоходства подобный путь открывался весной, в период половодья, когда бифуркационные потоки заполняют пересыхающие позднее верховья ручьёв и небольших рек и тем самым сокращают, облегчают сухопутный волок тяжестей ³⁷.

Среди курских топонимов историку и археологу заманчиво поискать географических «наследников» некоторых летописных реалий, прежде всего поселений древнерусского времени. Скажем, тех, что упоминаются в связи с восстанием в Курском княжестве против татарского баскака Ахмата на рубеже 1280–1290-х годов. Один из инициаторов и продолжателей этого антимонгольского выступления, князь Святослав Липецкий (или Липовечский), «сидел» явно где-то в Посеймье, как то явствует из контекста летописной новеллы. Известным курским краеведом Юрием Александровичем Липкингом этот *курский Липецк* локализовывался на Липинском городище километрах в 25 от Курска к западу ³⁸.

«Липеги» («липяги») — липовые леса повывелись в этих лесостепных местах уже веке в XVII ³⁹, но память о них осталась во множестве разнорайонных топонимов: Липень, Липка, Липник, Липница, Липовец, Липовическ, Липов и прочие в том же духе. Однако сколько-нибудь подходящих археологических памятников возле них не наблюдается. По этому, обязательному, признаку, на роль удельного «стола» Древней Руси действительно лучше всего подходит археологический комплекс (городище, рядом с ним открытое селище значительных размеров, курганный и

³⁵ См. о нём: *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1974. С. 48–52.

³⁶ *Ходаковский З.* Пути сообщения древней России // Русский исторический сборник. Т. I. Кн. 1. М., 1837. С. 40.

³⁷ Об этом и прочих прослеживаемых историко-археологических путях транзита людей и товаров через Посеймье см.: *Енуков В.В., Щавелёв С.П.* Основные направления торговых связей Курской земли в X–XIII веков // *Торговля Курского края с древнейших времён до начала XX века.* Курск, 1996.

³⁸ *Александров-Липкинг Ю.А.* Далёкое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971. С. 110–112.

³⁹ С тех пор, кстати сказать, и чисто липовый мёд стал в этих краях большой редкостью.

бескурганные могильники) возле села Липина Октябрьского района Курской области. В пользу относительной древности названия этого села говорит его соседство с так называемым Монастырищем — местом расположения Лыпиновской (Липинской) пустыни — монастыря XVI–XVII веков ⁴⁰. Раскопки Липинского селища и городища, с которые с 1994 года целый ряд лет вели там В.В. и О.Н. Енуковы, принесли выразительные материалы IX–XII веков, а затем и некоторые следы искомого XIII века, когда именно курский Липецк попал в летопись ⁴¹. Правда, находки монгольского периода относятся к селищу, а не к цитадели Липинского городища, что странно для стольного княжеского «града».

*Липинское городище под Курском.
Фото Ольги Медведевой с сайта «Достояние планеты». 2015 год.*

Тем не менее упомянутые раскопки вкупе с надёжно установленной топонимикой укрепляют гипотезу Ю.А. Липкинга, именно в этом месте

⁴⁰ Развёрнутую аргументацию см. в кн.: Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелёв С.П. Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XVII века. Курск, 1999. С. 18.

⁴¹ См.: Енуков В.В., Енукова О.Н. «Городи посемьские»: древнее Липино // 60 лет кафедре археологии МГУ. М., 1999.

интуитивно предположившего центр Липовечского княжества. Другие локализации этого пункта ⁴² аргументированы куда слабее.

Что касается Монастырища, то его руины на песчаных дюнах подверглись сокрушительному набегу незаконных копателей, причём ещё до разгула так называемых «чёрных археологов» с их металлодетекторами. Мне привелось охотиться в тех местах и наблюдать погубленный памятник. Есть у меня подозрение, что варварский набег был совершён кем-то знакомым с археологией и проживавшим тогда в соседнем Курчатове, причём бывавшем на раскопках в Авдеевке и Липине, между которыми как раз и располагалось Монастырище. Но кому что относительно охраны памятников в Курской области докажешь, тем более в те перестроечные времена!

В том же летописном сюжете, что и Липовечск, фигурирует и село *Туров*, у которого карательный поход татар на непокорных курских князей завершился и откуда захватчики ушли восвояси. С этим древнерусским поселением (согласно предположению В.В. Енукова) можно сугубо гипотетически сопоставить нынешнюю деревеньку Туровку на речке Туровке, притоке Псла, в Обоянском районе. Участвуя в археологической разведке под руководством В.В. Енукова в тех самых местах, автор обнаружил на окраине этой деревни возможное археологическое тому подтверждение — остатки уничтоженного песчаным карьером культурного слоя с керамикой и костяным гребнем средневекового времени.

*Карта татарских княжеств в составе Чернигово-Северских земель XV века.
Составлена Виктором Лобановым для Википедии в 2011 году
с карты 1934 года Ст. Кучиньского ⁴³.*

⁴² См.: Приймак В.В. О локализации летописного города Липовицка // Теория и методики исследования археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992; Кашкин А.В. О локализации древнерусского города Липовичска // Липецк: начало истории. Липецк, 1996; Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. I. М., 1996.

Ручей Еголдай и соответствующее ему Яголдаево городище явно напоминают про *Еголдаеву тьму* — одно из территориальных подразделений Курской земли в позднем Средневековье ⁴⁴.

Ручей Алыманка в Пристенском районе этимологизируется как производное от тюркского же «олым» — брод через реку. В этом и некоторых других случаях возможны отголоски событий на путях крымско-ногайских набегов на Русь XV–XVII веков.

На приведённых примерах можно видеть, что в отдельных случаях какие-то стороны исторической реальности, причём совсем не близкой, а весьма отдалённой, простонародной молвой всё-таки ухватывались и доносились до учёных-историков, этнографов, филологов. Тем самым ярко иллюстрируется философский (эпистемологический) постулат о некотором взаимодействии, частичной дополнительности разных типов рациональности, отдельных направлений познания, в первую очередь научного, практического и обыденного ⁴⁵. По крайней мере, в сфере исторически ориентированной гуманитаристики.

А историко-географических намёков, вопросов и загадок на карте Южной России остаётся ещё немало ⁴⁶.

⁴³ *Стефан Мария Кучиньский* (1904–1985) — польский историк-медиевист, профессор ряда польских университетов; писатель на исторические темы (под псевдонимом Влодзимеж Барт). Докторская диссертация «Литовское правление на Северских землях во второй половине XIV века» (1932). Научный консультант фильма «Крестonosцы» (1960) по одноимённому роману Г. Сенкевича.

⁴⁴ См.: *Щавелёв С.П.* Курская тьма в составе Золотой Орды // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Материалы международной конференции (май 2002 г.). Тамбов, изд-во Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2002. С. 232–236; *Его же.* Курская тьма — пограничье Руси и Золотой Орды // Уваровские чтения—VI. Граница и пограничье в истории и культуре. Материалы научной конференции. Муром, 16–18 мая 2005 г. Муром [Муромский историко-художественный музей], 2006. С. 102–110; *Его же.* Курская тьма — пограничье Руси и Золотой Орды (по документальным и археологическим материалам) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Материалы II Международной научной конференции. Воронеж, 18–20 декабря 2015 г. / Отв. ред. *А.М. Скоробогатов.* Воронеж, Воронежский гос. пед. ун-т, 2016. С. 404–415.

⁴⁵ *Щавелёв С.П.* Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994; *Его же.* Профессионалы и любители как субъекты познания и практики // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. 2014. № 1. С. 21–25.

⁴⁶ См. более обстоятельно по исторической топонимике обсуждаемого региона: *Загоровский В.П.* Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, 1973; *Михайлов Б.М.* Топонимика Курской области // Курский край: история и современность. Курск, 1995; *Прохоров В.А.* Надпись на карте. Географические названия Центрального Черноземья. Воронеж, 1977; *Яценко А.И.* Топонимика Курской области. Курск, 1958 (указанная последней работа — первичная по собранным материалам для позднейших авторов и самая содержательная).

А о мере историзма фольклорной топонимики: *Соколова В.К.* Типы восточнославянских топонимических преданий // Славянский фольклор. М., 1972.

Знаменитый живописец и мутный мистик Николай Константинович Рерих (1874–1947), начинавший свой творческий путь как археолог-полевик на курганах Новгородской земли, оставил по обсуждаемому поводу такую зарисовку, типичную для разных губерний России: «Местами вас встречают подозрительно: — Никаких, ваше благородие, исстари древних вещей в нашей окрестности не предвидится. ... Сами посудите, барин, откуда мужику древние вещи знать?..

Если же вы пришли по нраву, оказались "барином добрым", "душой-человеком", то вам нечего будет принуждать к откровенности собеседника. Вечерами, сидя на завалинке, наслушаетесь вы любопытнейших соображений, наблюдений естественнонаучных, поверий, наивных предположений. Сперва из осторожности прибавят: "Так зря болтают" или "бабы брешут", а потом, видя ваше серьёзное отношение, потечёт свободный рассказ о старине, о кладах, о лихих людях — разбойниках»⁴⁷.

В подобном духе у жителей суджанского села Горнали (соседнего с вышеупомянутой Гуйвой) по поводу расположенного рядом древнего городища, «называемого "Девичье", существует предание, что оно выстроено какою-то царицею, бывшей в этих местах, и где она жила. При нападении татар царица была убита, а перед смертью она всё свое имущество зарыла в яру, около городища, и этот яр носит до сего времени название "Скорбный"»⁴⁸.

В действительности два роменских городища у села Горнали, что на курском участке величавого в этом течении Псла, как установили раскопки московских археологов под руководством Андрея Васильевича Кузы, были сожжены по ходу распространения на Посеймье власти Киева в начале XI века. Однако и позднее, в XVI–XVII столетиях, на территории поречья Псла, между курскими городками Суджей и Обоянью существовала Мужецкая волость — часть уже упоминавшейся нами Яголдаевой тьмы, своеобразного татарского феода, форпоста во владениях Великого княжества Литовского. Так что татары — выходцы из Золотой Орды не только воевали здесь, но и жили какое-то время именно в этих южно-курских центрах вполне себе оседло⁴⁹. Точнее, зимовали в комфортных условиях, откочёвывая летом в свою родную степь. Так что весь остальной

⁴⁷ Рерих Н.К. На кургане. В Водской пятине (Санкт-Петербургской губернии) // В его кн.: Глаз добрый. М., 1991. С. 19–20.

⁴⁸ Анкета Императорского Московского Археологического общества 1900 года ... // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН (СПб.). Ф. 4. Оп. 1901 года. Д. 168. Л. 176–176 об.

Сравнительно см.: Щавелёв С.П. Этноним «северяне» и его историко-географические особенности в Курском Посеймье // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Сборник тезисов V международной конференции. М. – Брянск, 1996. С. 26–29.

⁴⁹ См.: Щавелёв С.П. Курск и монголы: к истории города и его округа в XIII–XIV вв. // Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных. Тетрадь третья. Курск, 2000. С. 3–31; Русина Е.Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001. С. 148.

событийный «конвой» этого факта из приведённой выше сельской легенды выглядит вполне произвольным.

Татарским же нашествиям приписывала крестьянская молва многие другие древние насыпи Курской земли. В частности, курган «Крестище» у самой Суджи, где «будто бы погребены многие малороссийские казаки города Суджи и смежных с ним селений, павшие на войне с татарами»⁵⁰. В этом случае, надо полагать, уже крымскими или ногайскими, которые в XV–XVII столетиях на самом деле многократно пересекали Курское Посеймье при своих набегах на Русь.

«Австрийскими могилами» именуют жители рыльского села Артюшкова расположенные на его окраине раннеславянские курганы (сведения, полученные автором при участии в их раскопках Посеймской экспедицией в 1995 году). Какая именно война с участием реальных или мнимых «австрияков» имела в виду, сейчас уже не разберёшь.

Курганы на реке Апочке у села Средние Апочки Горшеченского района Курской области. Раскопки А.Е. Алиховой в 1962 году и А.И. Пузиковой в 1967 году обнаружили под этими насыпями множественные захоронения, в большинстве относящиеся к срубной археологической культуре. Фото с сайта Megalithica.ru

⁵⁰ Дмитриюков А.И. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах // Вестник Императорского Русского Географического общества. СПб., 1854. Кн. 4. Ч. 2. С. 27.

Аналогичные версии насчёт археологических памятников зафиксированы фольклористами по другим районам Курского края, как и южнорусского ареала и Слободской Украины в целом. Место монголо-татар или их наследников — крымчаков, ногайцев в историко-географическом сознании простых людей нередко занимали литовцы, турки, поляки, шведы, французы, немцы и другие захватчики, в общем-то, действительно «нечуждые гробов», по выражению А.С. Пушкина, на этой земле.

Подобные объяснения на фактическую поверку оказываются по большей части вполне наивными. Памятники археологии являются на самом деле чаще всего не то что дотатарскими, а многие так даже дославянскими. Элемент относительной истины в народных заблуждениях на их счёт содержался, но, как правило, в минимальной, исчезающей степени. Ведь городища, как уже отмечалось мной выше, по сути своей верно определялись фольклорным сознанием как заброшенные укрепления, а курганы — как стародавние могилы. Ясность по поводу тех и других памятников древней истории оказалась внесена только благодаря систематическим раскопкам. В числе первых по всей стране им подверглась Курская губерния. А сказочные рассказы о тайнах этих земляных сооружений до сего дня продолжают ходить в народе, развлекая местных жителей и, несмотря на всю свою фантастичность, помогая отчасти ориентировке приезжих археологов.

Скажем, случайные находки больших костей ископаемых животных (вроде мамонтов и слонов) ещё в летописном Средневековье породили народные *легенды о великанах-«волотах»*, живших на земле прежде современных людей. Эти легенды сохранились в русском народе до Новейшего времени, их запечатлел В.И. Даль в своём словаре. В Курской губернии тоже находилось до революции село Волотово — центр Волотовской волости Новооскольского уезда. Курган возле этого села звался «Волотова могила». А по соседству с ним — деревня Слоновская⁵¹. Эти селения были названы так, вполне возможно, по причине ископаемых находок четвертичной фауны; первое раньше, а второе позже, когда среди местных жителей появились люди, знавшие не только про великанов, но и о древних слонах — мамонтах. Похожим образом появились на карте Воронежского края знаменитые Костёнки — деревня, где на полях и огородах местным крестьянам то и дело попадались чудные кости — остатки фауны каменного века.

Первоисследователю Ратского городища под Курском профессору Д.Я. Самоквасову местные жители из соседней деревни Городище сообщили, что «в древности тут был город Ратман». Сходство этого названия с прилегающим к городищу гидронимом «Рать» делает фольклорную версию

⁵¹ Список волостей Курской губернии // Курский сборник. Вып. 2. Курск, 1902. С. 5.

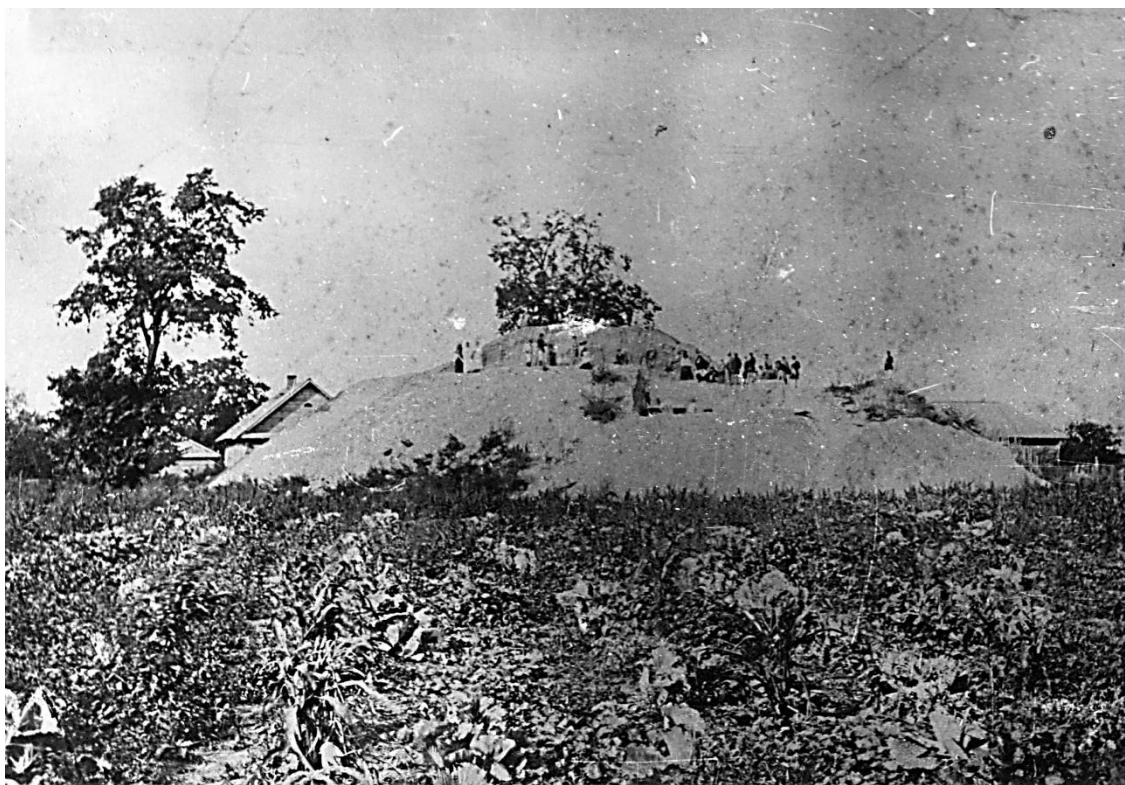
небезынтересной для археологов, и они действительно развивают её сегодня по мере их умственных сил ⁵².

Как видно, фольклорное сознание в отдельных случаях способно сблечь и передать информацию, нужную представителям науки и модернизированной культуры вообще. Однако эта задача для самого фольклора самого явно вторична и случайна. Рассказы и рассуждения о прошлом, более или менее старом, требуются прежде всего самим их авторам и пересказчикам, ведь они всегда грели душу русского человека, будь то горожанин или, в особенности, селянин (меньше загруженный неутилитарной информацией). Память о предках, представления о судьбах родной земли, её героях и врагах, их столкновениях, составляют стержень этнического самосознания, которое ведь отличается принципиальной ретроспективностью. Понятие о нынешнем единстве того или иного этноса, других социальных групп, включая региональные землячества, базируются на убеждённости в единстве их происхождения и последующего существования. Этноконсолидирующая функция исторического фольклора реализуется несмотря на степень реалистичности соответствующих преданий, а скорее благодаря разнице в этой степени; у него, устного творчества народа, свои критерии исторической правды. Точнее, фольклор и наследующий ему эпос отличаются «синкретизмом исторической и художественной правды», на который применительно к северным сагам обращал внимание выдающийся филолог-германист Михаил Иванович Стеблин-Каменский. Эта синкретическая правда в чём-то совпадает с той истиной, что ищет историческая наука, а в чём-то открыто той противоречит. Пропорция общего и особенного у науки и у фольклора относительно прошлого меняется в зависимости от этапа развития того и другого, а также от общей ситуации в политике и культуре страны.

Для истории и археологии их фольклорные предыстоки особую ценность приобретают в том случае, когда соответствующие памятники старины отчасти или нацело уничтожены временем или людьми. В таких случаях *фольклорный «шлейф» утраченного памятника* — это всё, что от него осталось, чем приходится довольствоваться и руководствоваться учёному исследователю. К примеру, зафиксированный ещё дореволюционными археологами в селе Коробкине (ныне Коньшëвского района Курской области) *Княгинин курган* значительных размеров, возглавлял вплоть до середины 1960-х годов целую группу могильных насыпей меньшей величины. Этот славянский некрополь, судя по всему, принадлежал домонгольскому городку, занимавшему невысокий мыс километром ниже по течению Сейма. Здешние колхозники при очередной

⁵² Сравним предположения В.В. Енукова о локализации здесь средневекового центра Ратно или же Ратуна из ярлыка крымского хана Менгли-Гирея за 1507 год. См.: *Енуков В.В.* Славянский комплекс на р. Рати // История и археология юго-востока Руси. Курск, 1991; *Его же.* О слободе Ахмате и городе Ратне // Славяне и Русь в научном наследии Д.Я. Самоквасова. Чернигов, 1993.

перестройке своих изб использовали землю из курганных насыпей для утрамбовки полов в своих крытых соломой хатах. Так они уничтожили тысячелетней давности могилы. Немного осталось и от упомянутого городища — его практически полностью «доел» песчаный карьер. А звучное название со снесённого кургана перешло у коробкинцев на расположенный рядом колодец — источник теперь зовут «Княгининым» или попросту «Княгиничкой» (изложенная информация собрана автором в 1993 году при участии в археологической разведке по реке Сейму, проводившейся под руководством В.В. Енукова).

Курган «Чёрная могила» в Чернигове после первого сезона раскопок Д.Я. Самоковасовым. Фото 1871 года из архива автора.

Надежду на то, что за названием Княгинина кургана стоит не досужая фантазия, а некие исторические реалии, дают аналогичные примеры с именами больших курганов Древней Руси — Олеговыми могилами в Новгороде и Киеве, Игоревой под Искоростенем, Чёрной могилой (князя Чёрного?)⁵³ в Чернигове и прочими языческими погребениями, у которых прослежены летописная родословная и археологическое содержимое, типологически отвечающее смыслу народных легенд о первых князьях Рюриковичах⁵⁴. Раскопки на (точно зафиксированном) месте Княгинина

⁵³ См.: Щавелёв А.С., Щавелёв С.П. Чёрная могила // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 134–141.

⁵⁴ См. подробнее: Шевченко Ю.Ю. Княжна-амазонка в парном погребении Чёрной могилы // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб., 1999 (Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. LVII); Щавелёв А.С. Особенности княжеских погребений языческой Руси (летописные известия и археологические данные)

кургана на Сейме могут открыть древнее погребение (если оно было совершено ниже разрушенной насыпи).

Рушатся памятники старины, уходят поколения земляков, а историко-археологически значимое имя всё бытует в устной или письменной (на карте) традиции

Наибольшую популярность среди фольклорно-исторических сюжетов на центрально-русских территориях, включая курскую, имело *сказание о сокровищах* некоего *Кудеяра* (Разноместные варианты: Худояр, Кудояр и тому подобные, якобы от тюркского имени «возлюбленный богом»). Полуторастолетней давности запись местного предания свидетельствует: «Во внутренних губерниях, лежащих от Москвы на юго-запад, между Окою и Доном, главными в старину путями сообщения нашего с Востоком, славно в особенности имя разбойника Кудеяра, соединённое с бесчисленными преданиями и сказаниями о кладах: о нём вы услышите и в Рязани, и в Туле, и в Калуге, и в Орле»⁵⁵, и в Курске.

А вот резюме одного из множества вариантов соответствующей легенды, записанного на сопредельной с Курщиной Слободской Украине писателем декабристского круга Орестом Михайловичем Сомовым (1793–1833): «...От Трёх Курганов поворот к Долгой Могиле. Там ... лежит большой сундук, в котором Худояр спрятал три большие серебряные стопы [чаши, кубки — С.Щ.], тридцать ниток крупного жемчуга, множество золотых перстней, ожерелий и серёг с дорогими камнями и шесть тысяч польских злотых в кожаном мешке...»⁵⁶.

Локализация «кудеярщины» сплошь и рядом варьировалась в пределах одной и той же области, равно как и персонификация кладообразователя (князь, простой разбойник, блудный царский сын или брат, кто-то ещё). Одна из курских топографий легенды приурочивала разбойничий клад ко всё тому же Верхнему Пслу, что не раз будет фигурировать в этой книге — ведь там располагается целый археологический микрорегион — Гочевский сгусток разновременных археологических памятников. Согласно народной молве позапрошлого века, «в древности был здесь город Гочев, в котором княжил Кудеяр ..., имевший большие богатства. Когда неприятель напал на город и долго держал его в осаде, Кудеяр, убедившись, что он не может устоять перед неприятелем и должен погибнуть, собрал все свои сокровища и опустил их в глубокую реку Дедню, протекавшую под крепостью»⁵⁷. В этом варианте сказания можно заподозрить контаминацию старых рассказней о

// Святителища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2000. С. 106–110; *Его же*. Могилы князей Древней Руси в сакральной топографии Средневековья // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Материалы Международной научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13–15 ноября 2001 года. Великий Новгород, 2001. С. 80–83.

⁵⁵ Действительная история баснословного клада // Курские губернские ведомости. 1845. № 16. С. 235.

⁵⁶ *Сомов О.М.* Были и небылицы. М., 1984. С. 166.

⁵⁷ *Златоверховников Н.И.* Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902. С. 64.

знаменитом разбойнике и свежих тогда, лет сто назад, впечатлений о первых раскопках археологического Гочева экспедицией профессора Д.Я. Самоквасова и курских любителей археологии в 1909 году, о коих расскажу ниже.

Кудеяр — личность, по всей видимости, не историческая, а легендарная. Согласно некоторым из фольклорных версий, он княжеского достоинства, чуть ли не царского происхождения. Якобы даже сын великой княгини Соломонии, первой супруги сурового государя Василия III, с которой тот развёлся из-за её длительного бесплодия (и, следовательно, брат Ивана Грозного). Беллетристический интерес к образу Кудеяра в наши дни оказался подогрет интересным фактом: среди погребений в Покровском монастыре Суздаля, куда была заточена Соломония Сабурова, один склеп содержал лишь детскую куклу, одетую в шёлковую рубашонку мальчика. Реставратор Алексей Дмитриевич Варганов (1905–1977), сделавший эту загадочную находку, предположил, что она имела целью замаскировать спасение ребёнка (что не исключено), ставшего впоследствии тем самым разбойником Кудеяром ⁵⁸ (а вот это гораздо более проблематично).

*Афиша фильма «Легенда о Кудеяре».
(Россия, 2006; режиссёр В. Золотухин).
Репродукция кинорекламы в Интернете.*

⁵⁸ См.: Артамонов В. Кудеяр. Роман. М., 1994. С. 505.

Другие варианты той же легенды видели в Кудеяре отпрыска самого Ивана Грозного. Менее книжные, более народные версии почитают кладообразователя-рекордсмена разбойником, бывшим сборщиком татарской дани или же опричником. Само имя «Кудеяр», скорее всего, действительно татарского происхождения. По историческим источникам известны крымские и астраханские мурзы, носившие похожие прозвания и жившие в начале XVI века.

Все разнообразные *предания о Кудеяре* ⁵⁹ сводились к тому, что он несправедным путём накопил огромные сокровища и, спасаясь от врагов, где-то свои богатства запрятал. Кудеяровым именем прозывались в Курском и соседних краях многие курганы, городища, а также леса, овраги, другие урочища и уголья. Личное имя благодаря народной молве превратилось в нарицательное, синонимичное всему разбойничьему аспекту народного прошлого. Вот ещё один (из многих, записанных этнографами) пример тому: образование Большого Ивановского городища под Рыльском «местные старожилы крестьяне приурочивают ко времени разбойника Кудеяра, по преданию жившего в этих местах в царствование Грозного. В разговорах о городище крестьяне обыкновенно замечали, что на нём жили "худеяре", разумея под этим вообще разбойников — покровителей бедняков и не дававших пощады людям богатым» ⁶⁰. Да, конечно, — чернозёмный Робин Гуд, сказал бы Николай Семёнович Лесков в ответ на это.

Забегая вперёд, отметим безрезультатность неоднократных поисков «кудеяровой поклажи», продолжавшихся с позднего Средневековья до наших дней. Более или менее близкими прототипами легендарного атамана-кладообразователя могли стать те реальные шайки бандитов, которые, судя по карательному делопроизводству московских властей, несомненно действовали на оживлённых шляхах Украинского Левобережья, южных границ Руси, Литвы и татарского Крыма в XVI–XVII веках, да и позже. Почти все народные рассказы о Кудеяре и его подвигах записаны на территории между Орлом и Воронежем ⁶¹ — это и есть тот «фронтир»,

⁵⁹ Обзор курских преданий данного цикла см.: Хроника // Курские губернские ведомости. 1883. 16 сентября. № 72; *Соловьёва Л.* Несколько слов о кладах и «Кудеяре» // Там же. 1901. 4 февраля. № 28; *Филиппенко А.* По губернии. Обоянь // Там же. 1901. 18 февраля. № 38; *Томилина А.* О кладах и Кудеяре // Там же. 1901. 18 марта. № 62.

Сравнительный материал по соседним губерниям: *Леопольдов А.Ф.* Нечто о Кудеяре // Журнал Министерства внутренних дел. 1838. Ч. 27. № 3; *Воскресенский Н.В.* О Кудеяре-разбойнике и кладоискателях. Этнографический очерк // Дон. Воронеж, 1873. № 49–50 (Перепечатано в кн.: Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия города Воронежа. Т. II. Воронеж, 1887); *Сумцов И.Ф.* Сказание о провалившихся городах. Харьков, 1896; *Смирнов В.* Клады, паны и разбойники. Этнографические очерки Костромского края // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 26. Кострома, 1923.

⁶⁰ *Александров А.Н.* Долина Сейма. Археологическая экскурсия // Древности. Труды ИМАО. Т. XXIII. Вып. 2. М., 1914. С. 315.

⁶¹ См.: *Введенский С.Н.* «Кудеярова поклажа» // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XXII. Вып. 1. Казань, 1906; *Его же.* Из дел о «Кудеяровой

проницаемая и подвижная граница, что условно отделяла на рубеже Средневековья и Нового времени Московскую Русь от Дикой Степи. Однако археологически различимых следов криминального партизанствования кудеяровых прототипов практически не осталось, да и остаться не могло.

Как видно по ярким материалам о кудеярщине, ценность людской молвы в тех случаях, когда она выходит за пределы своего топонимического «сухого остатка», для собственно исторического, тем более специально-археологического познания невелика. Скорее здесь находится дело для фольклористики, занимающейся устным творчеством народа как таковым, прежде всего сказовыми, сказочными жанрами с их глубинными мифологическими корнями⁶². Тема настоящей работы предполагает лишь обратить особое внимание на то обстоятельство, согласно которому доморощенные мифы и легенды про памятники истории и культуры выделяли их из природного ландшафта; поддерживали среди местного населения из поколения в поколение память о самом их — курганов, городищ, кладов, фундаментов древних строений и всех прочих материализованных древностей — существовании здесь; до поры до времени остерегали соседей от их порчи. Когда же до провинциальной глубинки добрались образованные краеведы, когда сюда приехали экспедиции столичных археологов и этнографов, то указания местных жителей послужили одной из руководящих нитей при разведке объектов для картографирования и раскопок.

Насколько эффективно фольклорные мотивы относительно древностей защищали их от вольных и невольных посягательств со стороны коренного населения этих же мест? Не приходится ни отрицать, ни преувеличивать охранной функции народных поверий о городищах и курганах. Как ни странно покажется на посторонний взгляд, исторические поверья то удерживали крестьян от грабительских раскопок в освящённых традицией местах, а то побуждали их к таковым. Фольклор ведь вообще отличается идеологическим плюрализмом и, надо признать, этическим релятивизмом, своего рода моральной амбивалентностью. Каждую нравоучительную поговорку можно, как известно, «покрыть» вполне разгильдяйским изречением того же самого народа. Жизнь-то сложна, а человек — широк и противоречив по натуре своей. Поэтому «фольклор — если брать его в целом, в совокупности жанров и текстов — одновременно и активен в утверждении

поклаже» // Там же. Т. XXIII. Вып. 5. Казань, 1908; *Зачиняев А.* Об эпических преданиях Орловской, Курской и Воронежской губерний // ИОРЯС. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 1. С. 151; *Дружинин М.А.* Народные предания о Кудеяре // Тульский край. 1926. № 3.

⁶² О соотношении мифологических архетипов и исторических, этнографо-археологических реалий в фольклоре см. также: *Соколова В.К.* Фольклор как историко-этнографический источник // Советская этнография. 1960. № 4; *Криничная Н.А.* Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987; *Её же.* Персонажи преданий. Становление и эволюция образа. Л., 1988; *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Историческая реальность и былинная фантазия // Духовная культура славянских народов. Л., 1989.

или ниспровержении определённых социальных, нравственных принципов и норм, и довольно-таки безразличен к их разнообразным проявлениям»⁶³.

Так и разного рода *мифологемы по поводу древностей* без особого труда сочетали их сакрализацию с профанацией. Когда экономическая необходимость особенно остро побуждала, а государство молчаливо разрешало крестьянам расширять запашку, под неё сплошь и рядом попадали и курганники, и даже сравнительно небольшие площадки возвышенных городищ. Так случалось после отмены крепостного права, в ходе аграрной реформы Петра Аркадьевича Столыпина, затем НЭПа. Продолжали дело хозяйственной разрухи многих памятников археологии «стальные кони» коллективизации. Завершают его ныне богатые приватизаторы чернозёмных просторов. Причём без особого зазрения исторической совести у землевладельцев и землепользователей самых разных поколений и сословий. Её деформацию, размывание форсировали революции, войны, политика царизма по силовой охране дворянских суперпривилегий, затем советской власти по части так называемого «культурного строительства»; наконец, новая реставрация капитализма в постсоветской России, добравшаяся со своими агрохолдингами до деревенской глубинки.

А началось это беспамятство не сейчас. Распространяя вширь элементарную грамотность, большевики одновременно резко сузили в народе слой по-настоящему образованных людей, интеллектуалов, желающих ценить и способных адекватно понимать отечественные древности. В областных центрах таких знатоков и любителей старины к сегодняшнему дню насчитываются единицы, а в районных практически не осталось. Постсоветская реальность отмеченной ситуации принципиально не изменила.

Что же удивляться тому, что советский период бытования и научной фиксации устного творчества русского народа отличается не только достижениями, но и фальсификациями идеологического свойства. Последние ярче всего видны на примерах «фольклорных» версий церковных древностей. В сборнике «частушек, песен и сказок, записанных в Курской области» вскоре после её образования, находим такие перлы:

«Буду я ходить в кружок —
Нет другого мнения,
Сброшу с полки всех богов,
Это без сомнения».

Тот же оболваненный коммунистической пропагандой юный представитель курского крестьянства якобы призывал:

«Брось, мамаша, бить поклоны
На поповское старьё,
Для попа они — иконы,
А для нас утильсырьё».

⁶³ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 201.

Зарифмованным оказалось и одно из комсомольских мероприятий 1920–1930-х годов:

«По стенам мы лазили,
Всех богов замазали...
Собирайте лесенки —
Спеты божьи песенки».

*Не развалины, не склад, не цех, а школа — редкий вариант
в судьбах абсолютного большинства церковных зданий в Советской России.
Архив автора.*

Парадоксально реалистичной вышла заключительная строфа во всей этой груде подделок под устное народное творчество:

«Под горой пустует церковь,
Клуб с народом на горе.
Эх, недаром, эх, недаром
Пели пули в Октябре»⁶⁴.

⁶⁴ Фольклор. Частушки, песни и сказки, записанные в Курской губернии. Сб. произведений народного творчества / Под ред. В. Аристова и М. Павлова. Курск, 1939. С. 27.

Владимир Павлович Аристов (1898–1941?) — советский писатель, журналист. Автор исторических романов «Смоленск», «Скоморохи», повести «Тяжёлая пустошь»; рассказов; пьесы «Ключ-город». Историзм в этих произведениях уживается со штампами советской пропаганды о прошлом России. С 1939 года жил и работа редактором в Курске.

«По Фрейду» ошибочное утверждение: церкви-то только и строили на местах возвышенных, со всей округи обозримых, а вот клубы — где придётся.

Негативное значение в рассматриваемом отношении имело *массовое переименование градов и весей родины* в советский период её истории — имена своих и чужих вождей, революционеров, политиков; прочие символы коммунистической власти (вроде серпа и молота, снопа с колосьями, пятиконечной звезды) стёрли с лица земли слишком много старинных, с местным, земским смыслом данных когда-то названий. «То, что создавалось веками, было порушено в течение нескольких десятков лет. Исчезали из памяти многие названия — свидетели прошлого, что привело к обеднению культурной традиции и отрицательно сказалось на историческом сознании населения»⁶⁵. Ну, зачем, скажите, в Курске появились и существовали улицы имени Марата или Робеспьера? Кровавых палачей времён французской революции 1873 года? В народе эту последнюю фамильярно окрестили «Робушкой». А на Марата располагалось главное здание местной милиции и при нём подвальная тюрьма, где расстреливали в годы сталинского террора. Народ не желает помнить ужасные моменты своего и чужого прошлого, он их вытесняет из своего массового сознания.

Иногда подобная перемена географических названий по идеологическому принципу играла со своими инициаторами злую шутку. Так, деревня Сучкина под Рыльском (между прочим, место первых в Посеймье раскопок каменного века), согласно местной легенде, получила своё название под впечатлением покупки бывшим владельцем этих мест, князем И.И. Барятинским породистой суки за крепостные души. После революции это село Рыльского района стало Октябрьским. А деревня Неварь (явная память о неурожаях, когда варить на еду было нечего) Дмитриевского района Курской области получила имя Пролетарской революции. Параллельное бытование старых и новых названий такого рода принимало пародийное звучание.

В иных случаях коренное название искажалось просто по неграмотности картографов и их местных информаторов. Скажем, село Бушмино в районе археологического Горналя превратилось в Бушмено. Вывеска над административной избой там гласит «*Бушменский сельский совет*». Жившую возле собаку кличут Бушмен. Надо ли пояснять, что о наличии африканской кальки искажённых названий местные аборигены знать не знают.

Вполне понятное и привычное землякам многими десятилетиями Косиново под Курском, знаменитое, в частности, своей «зоной»-колонией для заключённых, на придорожных указателях превратилось не так давно в

Пропал без вести из курской больницы после прихода немецких оккупантов. См. его: Избранное. Курск, 1959.

⁶⁵ Мурзаев Э.М. Топонимика и география. М., 1995. С. 221.

Касиново. И вот уже вроде бы опытный журналист Василий Гурьевич Воробьёв в своей газетке «Городские известия» пишет о Касинове. Ведь такие — явно искажённые таблички оказались на соответствующей трассе после очередного обновления дорожных знаков. Хотя при курской администрации имеется вроде бы комиссия по наименованию улиц города, она, как говорится, ни шьёт, ни порет. Грамоты, получается, не знают ни чиновники, ни «краеведы», привлечённые в эту комиссию. Одну из новых улиц они назвали именем Печерского. Наверное, имея в виду Феодосия Печерского. Но ведь есть же ещё писатель Павел Иванович Мельников-Печерский (1819–1883). А ведь был ещё организатор легендарного восстания в фашистском концлагере Собибор Александр Аронович Печерский (1815–1990), в свою очередь достойный увековечивания на русской земле. Так в честь кого же из них? Не дадут и не дадут ответа теперешние

Фото автора. 2000-е годы.

Периодически повторяющееся переименование географических названий на карте области, её районов, городов, посёлков, сёл, деревень и улиц обязано учитывать оригинальные прошлые варианты соответствующих топонимов. Между прочим, справедливо и благородно было бы часть *новых* улиц областного и районных центров назвать именами тех учёных и краеведов, кто внёс наибольший вклад в изучение здешних древностей.

Некоторые фольклорные мотивы в связи с региональным прошлым приобретают самостоятельное значение в культуре и идеологии Нового и Новейшего времён. Несмотря ни на какую степень своей исторической достоверности, они могут органично включаться в процесс символической репрезентации политических институтов и социальных установок

практической жизни. Любой из субъектов Российской Федерации способен символически представить, лозунгово резюмировать свою историю, её наиболее славные и общеизвестные моменты. Так, утверждённые в XVIII веке гербы русских городов и соответствующих регионов в соответствии с правилами геральдики манифестировали вполне фольклорные мотивы местной старины, народные этимологии губернских и уездных урбанонимов. Во многих случаях гербовая символика явно или неявно отсылает зрителя к моменту основания поселения, его возрасту. А вопросы названий и времени основания старейших городов России представляют собой проблемное поле встречи науки и практики, истории и политики, прошлого и настоящего.

*Герб Курской губернии / области.
С сайта Администрации Курской области.*

Типичным образцом в рассматриваемом отношении является южнорусский Курск. В Новое время этот топоним оказался переосмыслен во вполне фольклорном духе, ассоциировался у местного населения с названием знакомой тому птицы — куропатки. К этому могло подтолкнуть, между прочим, явное присутствие пернатых среди имён соседних городов (Орёл, Воронеж, хотя и в этих случаях скорее всего имело место позднейшее искажение иноязычной или же архаичной славянской основы в «птичьем» смысле). Во всяком случае, в гербе Курской губернии, утверждённом Екатериной II, с 1780 года воспарили три куропатки на «серебряном щите с лазоревой перевязью, обременённой тремя серебряными же летящими куропатками. Щит увенчан императорской короной и окружён золотыми дубовыми листьями, соединёнными Андреевской лентой» красного цвета ⁶⁶.

⁶⁶ Сайт администрации Курской области / Символы Курской области / Герб Курской области.

Это же изображение переутверждено в 1996 году в качестве герба Курской области. Так народное воображение обусловило историческую символику края.

Между тем, беззастенчивое фантазирование, а попросту невежественное враньё по поводу краевой символики никак не утихает. Вот типичный, к сожалению, образчик такого вранья. «Изображение куропаток в гербе объясняется историей региона, восходящей к периоду языческой религии, когда племенными союзами наряду с почитанием пантеона языческих богов, почитались свои небесные покровители. Археологические раскопки указывают на то, что таким покровителем северского племенного союза был бог неба Сварог. Поэтому многие исследователи называют жителей курского региона "сварожьим племенем". Сварог считался покровителем кузнецов и изображался в облике человека с огнём и молотом. Зачастую в изображении Сварога присутствовала сидящая на его голове птица. Это могли быть сокол, утка или аист. В гербе Курской области изображены три куропатки — птицы, распространённые на территории региона. В славянской мифологии цифра "3" считалась знаком Сварога, что соответствует количеству куропаток в гербе. Лазурная (синяя) перевязь указывает на речку Кур, у места слияния которой с рекой Тускарь располагался исторический центр города Курска — административного центра Курской области»⁶⁷.

В этой аннотации выдумка на выдумке сидит и выдумкой погоняет... Одно дело, когда в прошлом представители простого народа в полном соответствии с логикой фольклорного сознания выдумывали этимологии географических названий по их поверхностному созвучию с понятными ему реалиями. И совсем другое, когда журналист, учитель, преподаватель, чиновник, блогер наших дней в поисках таких толкований обращается не к специалистам — учёным, музейным работникам, а самонадеянно выдумывает объяснения наобум лазаря.

С точки зрения же истории и лингвистики, перед нами в виде названия города вовсе не орнитоним, а просто «город, стоящий на Куре» (курье, то бишь безымянном поначалу ручье, на северно-русском диалекте)⁶⁸. Одни историки и археологи предполагают его основание в конце X века⁶⁹, другие — в начале XI⁷⁰.

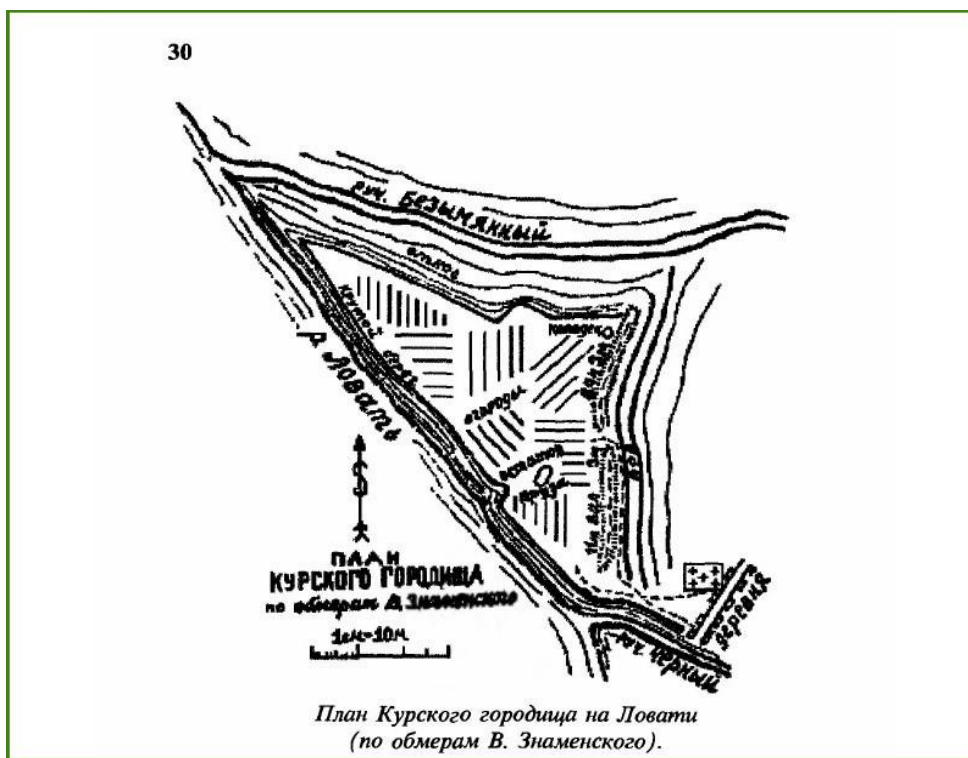
⁶⁷ Официальный сайт Банк городов РУ / BankGorodov.RU / Курск.

См. также: *Плаксин И.М.* Старинные гербы земли курской. Курск, 2012 (буклет).

⁶⁸ Аргументацию этой версии и обзор других см. в кн.: См.: *Щавелёв С.П.* Имя города Курска: историко-археологические материалы к этимологии // Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных. Тетрадь I. Курск, 1997; *Его же.* Курск: происхождение имени летописного города // Там же. Вып. 4. Курск, 2002.

Другие мнения об этимологии Курска: *Склярук В.И.* Происхождение топонимов Тускарь, Кур и Курск: к вопросу о контактах славян с тюрками // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М. – Курск, 1994.

⁶⁹ См.: *Самсонов В.И.* Курск — древний русский город (от его возникновения до конца XVI в.) // Курск: очерки истории города. Курск, 1957; *Липкин Ю.А., Самсонов В.И.* Курск — древний русский город // Курск: очерки истории города. 2-е изд., доп. Воронеж,

Глазомерный план городища,
где в Средние века располагался северный Курск, — на реке Ловати.
Из кн.: Котов В.В. Холм на Ловати и его земля. Псков, 2004.

Разница существующих и аргументируемых данными разных источников точек зрения по этому поводу уместается в несколько десятилетий (от времени князя Владимира Святославича до правления его сына Ярослава Мудрого), а в связи с первым упоминанием этого летописно-житийного центра в письменности достигает нескольких лет (1032–1036)⁷¹. И те, и другие авторы подчёркивают условность той или иной даты городского юбилея (вожделенного ли краеведами да некоторыми археологами 1000-летия Курска). Правда, некоторые из тех, кто стремится

1975; Антилогов Г.Н. О городе Курске X–XVI вв. // Вестник МГУ. Серия 8. «История». 1979. № 5; Енуков В.В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.

⁷⁰ См.: Щавелёв С.П. Возраст житийно-летописного города Курска // Курский край в истории Отечества. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 225-летию образования Курской губернии и 70-летию образования Курской области. Курск, 14 мая 2004 года. Ч. 1. Курск, 2004; Его же. Житийно-летописный город Курск на геополитической карте Древней Руси // Міста Давньої Русії. Сбірка наукових праць па'оті А.В. Кузы. Київ, 2014. С. 72–84.

⁷¹ См.: Моргунов Ю.Ю., Щавелёв С.П. «Курескъ на Тускоре»: к вопросу о происхождении летописного города // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. II. Славянский средневековый город. М., 1997; Щавелёв С.П. Древнерусский Курск: предпосылки и период становления города // Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных. Тетрадь 2. Курск, 1998; Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелёв С.П. Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XVII века. Курск, 1999 («Курский край». Т. IV).

увеличить возраст областного центра, имеют венаучную цель — успеть на своём веку поучаствовать в дележе выделяемых на такого рода празднования и их «обоснование» бюджетных денег.

В 2017 году курские власти объявили о финальном — 15 летнем отрезке подготовки к 1000-летию юбилею города. Состоялось несколько публичных слушаний, в которых участвовали чиновники и «штатные» в их кругу представители так называемой общественности. Учёных — историков и археологов, биологов и экологов на этих мероприятиях заметно не было, как и независимых журналистов. Идей по поводу предстоящего в обозримом будущем юбилея пока обнародовалось негусто. Почти все они мало реалистичны: возродить курский кремль, буквально или символически; оборудовать, наконец, в черте города прогулочную набережную по-над рекой Тускарью; что-то ещё в духе общей благотворительности. Ни исторических исследований, ни археологических раскопок, ни научных конференций или общедоступных чтений, ни книжных изданий (монографий, сборников статей, учебных пособий) к памятной дате никто пока планировал. Хотя «администрация города ждёт предложений по подготовке к юбилею города ... на официальный сайт kursk1000@kurskadmin.ru»⁷².

*Вид на речку Кур сто лет назад. Существенных отличий с современным видом градообразующего потока пока не видно. Тот же трамвай, то же отсутствие набережной (её подобие — «Утиный остров» — см. ниже).
Фото с сайта dddkursk.ru*

Между тем в краеведческой литературе прошлых лет издания (газетных заметках, самодеятельных альманахах и даже внешне респектабельных изданиях, учебных пособиях или сборниках статей) до сих пор тиражировались главным образом произвольные и даже заведомо абсурдные версии происхождения Курска. Вроде трогательных поисков предков курян аж в каменном да бронзовом веках⁷³; среди ... «кельтов

⁷² Городские известия. Курск. 2018. 20 января. № 8. С. 2.

⁷³ Курский край: история и современность / Под ред. Б.Н. Королёва. Курск, 1993. С. 6–7.

балтийского побережья», они же почему-то «буртасы», «короткоголовые и приземистые» ⁷⁴; балтов, викингов и вятичей одновременно ⁷⁵; вполне наивных и по форме, и по содержанию высказываний, вроде следующего: «По архивным [?] свидетельствам в Миропольском городище в X веке жили также и неславяне, а в городах, построенных по указу [?] 988 году, зарегистрированы [органами ЗАГСа? — С.Щ.] были и финны» ⁷⁶; ни с чем уже не сравнимых утверждений, будто «момент основания Первокурска падает на период последних скифских походов на славянское [?] Среднее Приднепровье ... VI–V веках до н. э.», так что якобы «очевидно, и около 2500 лет назад город носил то же название» ⁷⁷, выступая, если довести до логического конца столь фантазмагорическую идею, старейшим городом Восточной Европы, ровесником Афин и Рима! Среди тех, кто предлагает всю эту фантастическую чушь, не только малограмотные пенсионеры, но и кандидаты, даже доктора наук (правда, по советским «наукам» — «истории» КПСС и «научному коммунизму»). Именно эти «пособия» за неимением других переиздают все последние годы предприимчивые издатели и реализуют эти тиражи библиотекам, школам, книжным лавкам.

Набережная «Утиный остров» на малом отрезке реки Пусқари открыта в Курске в 2018 году. Ли́ха беда начало — десяткі километров пустырей в поречье городской черты и за городом столетиями ждут благоустройства.

⁷⁴ История и современность Курского края / Под ред. Б.Н. Королёва. Курск, 1998. С. 11–12, 698.

⁷⁵ Курск. Документы. Воспоминания. Статьи / Сост. А.Ю. Друговская. Курск, 1997. С. 89–96.

⁷⁶ Тинякова Е.А. Этнические истоки культуры Курского края // Культура Курского края. Дополнительное региональное учебное пособие. Курск, 1995. С. 15.

⁷⁷ Курский край в истории Отечества / Под ред. Л.С. Полнера. Курск, 1996. С. 8.

Упрощённое, вплоть до явной фальсификации, толкование исторических моментов топонимики, иного рода фольклорных материалов содержат многие другие экскурсии современных краеведов. Из массы примеров «этимологической дыбы», на которую они то и дело поднимают курскую топонимику, ограничимся самыми абсурдными. Объявлявший себя «учителем-краеведом» курский пенсионер Никита Владимирович Рязанов напечатал в областных газетах за 1980–1990-е годы несколько фантастических этимологий. Особенно впечатляет развязанная им, вслед за старейшим краеведом районного Льгова Семёном Викторовичем Лагутичем (1911–1999), дискуссия в периодике о «городе Сурске»⁷⁸. Такое название померещилось кому-то из них из-за того, что на одной старой карте слово «Курск» пришлось первой буквой на сгиб бумаги, и эта буква деформировалась на поверхностный взгляд.

*Обложка издания Центрально-Чернозёмного книжного издательства.
Архив автора.*

В том же фантазмагорическом ряду стоит проведённая «краеведом» параллель между курской Обоянью и владельцем «земли Бояна», о продаже которой упомянуто одним из граффити Софийского собора в Киеве (скорее всего, в последней четверти XI века)⁷⁹.

⁷⁸ См.: Лагутич С.В., Рязанов Н.В. Где он, город Сурск? // *Летопись*. Вып. 1. Курск, 1991. С. 2; Вып. 2. С. 3; Вып. 3. С. 8.

⁷⁹ Текст и первый вариант историко-географического истолкования записи о Бояновой земле см. в кн. её первооткрывателя: *Высоцкий С.А.* Киевские граффити

Несмотря на убедительную отповедь этим «догадкам», данную филологом из педагогического института, доцентом Исааком Зельмановичем Баскевичем ⁸⁰, ни на что не похожие версии покойного Н.В. Рязанова и подобных ему «краеведов» снова и снова публиковались безответственными журналистами большими тиражами областных, городских, районных газет, входили в состав региональных учебных пособий и обманывали неискушённых читателей. Картина достаточно типичная для краеведения и журналистики последних десятилетий.

*Стела работы В.М. Клыкова у Православной гимназии
во имя преподобного Феодосия Печерского в Курске
(фото Геннадия Сергеевича Коршунова).*

XI–XVII вв. Киев, 1985. С. 122–123. Другую интерпретацию см. в кн.: Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 415–416. Последний обзор историографии того же источника: Никитин А.Л. О купчей на «землю Бояню» // В его кн.: Основания русской истории. Мифологемы и факты. М., 2001.

⁸⁰ См.: Баскевич И.З. Курск от Сурска далече // Курская правда. 1991. 21 октября. С. 4; Его же. Красивые легенды и грубые факты // Городские известия. 1992. № 119–120. С. 4.

Реалистическую этимологию топонима «Обоянь» см.: Яценко А.И. К этимологии некоторых гидронимов Курской области с начальным -о (об-) // Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 293. Л., 1968.

В ответ на подобные измышления автором этих строк была в своё время предложена областной периодической печати рубрика — «Начало Курска: мифы, факты, гипотезы». Опубликованные под этой рубрикой критические рецензии ⁸¹, надо признать, мало кого из новоявленных «краеведов» и их издателей, к сожалению, вразумляют. Областные периодика и книгоиздание, включая учебно-методическое, не устают массово тиражировать «историко-краеведческие» нелепицы о зарождении Курска ⁸². Описанная ситуация достаточно типична для многих областных центров европейской части страны (не утихают споры краеведов и журналистов о возрасте Белгорода, Брянска, Воронежа, Липецка и других городов); например, Орла, где недавно установили конный памятник кровавому тирану

⁸¹ См.: *Щавелёв С.П.* Клио в объятиях краеведов (Начало Курска: мифы, факты, гипотезы) // *Городские известия*. 1994. 17 мая; *Фёдоров С.* [Он же С.П. Щавелёв] Новые книги по истории Курска // Там же. 1995. 7 сентября; 10 октября; *Зорин А.В., Щавелёв С.П.* Вы просили — мы откликнулись [Рец. на кн.: *Курский край в истории Отечества* / Под ред. *Л.С. Полнера*. Курск, 1996] // Там же. 1996. 27 июля; *Щавелёв С.П.* Нитки от «красного пояса» [О проекте энциклопедического словаря «Курск»] // Там же. 1996. 26 сентября; *Его же.* Много у «Курска» достоинств. Но не о них разговор // Там же. 1998. № 125. 17 октября; *Его же.* Непредсказуемое наше прошлое... [Рец. на кн.: *История. Учебное пособие*. Ч. 1–2. Курск, 1999] // Там же. 1999. № 12. 2 февраля. С. 6; *Его же.* Об ответственности историка [Рец. на кн.: *Большая курская энциклопедия*. Т. I. Кн. 1–3. Курск, 2004–2005] // *Городские известия*. 2006. № 73. 17 июня. С. 4; *Его же.* [Рец. на кн.:] *Большая курская энциклопедия*. Т. I. Кн. 1–3 // *Вопросы истории*. 2006. № 4. С. 169–172; *Его же.* Заслуги и недостатки исторического краеведения в прошлом и настоящем // *Труды I Всероссийского съезда историков-регионоведов* (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 года). В 3 томах. Т. I. СПб., Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2010. С. 43–55; *Его же.* Любители и профессионалы в истории русской археологии // *Учёные и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докладов Международной конференции* / Сост. *С.В. Кузьминых, А.С. Смирнов, И.А. Сорокина*. М., Ин-т археологии РАН, 2015. С. 66–68; *Его же.* Археологическое краеведение в России: противоречивые фазы развития, итоги и перспективы // *Очерки истории отечественной археологии*. Вып. IV / Отв. ред. *П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина*. М., Ин-т археологии РАН, 2015. С. 215–234; *Его же.* Горизонты и тупики исторического краеведения в России // *История и историческая память. Межвузовский сб. научных трудов*. Вып. 12 / Под ред. *А.В. Гладышева*. Саратов, Саратовский гос. ун-т, 2015. С. 134–155; *Его же.* Прошлое и настоящее исторической регионалистики в России // *Наследие М.К. Петрова: философия, культурология, науковедение, регионалистика* / Сб. научных статей / Под ред. *В.П. Римского* и др. Белгород, ИПК БГИИК, 2016. С. 256–262; *Его же.* От Курской учёной архивной комиссии (1903–1922 гг.) к советскому обществу краеведения (1923–1930 гг.): разгром региональной археологии в СССР // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. *И.А. Сорокина*. М., Институт археологии РАН, 2017. С. 82–85.

⁸² См.: *Рязанов Н.В.* Курский край в истории Отечества // *Городские известия*. 1996. 17 сентября. 1996; *Культура Курского края*, 1995, с. 13–16; *Курск. Краеведческий словарь-справочник*. Курск, 1997. С. 400–401; *История и современность Курского края*. Курск, 1998, с. 7–13; *Из истории монастырей и храмов Курского края* / Под ред. *А.Ю. Друговской*. Курск, 1998. С. 9, 22, 29; *Арцыбашева Т.Н.* Курский край и монастырская культура. Курск, 1998. С. 2–6; *Её же.* Очерки культуры Курского края. Вып. 2. Краеведческие материалы. Курск, 2000, с. 10–11; др.

Ивану Грозному (упоминания о котором нет даже на памятнике 1000-летия России в Великом Новгороде); схожие, но более опасные коллизии имеют место в этнических автономиях (вроде Татарстана, где публично отмечали траур в годовщину взятия Казани Иваном Грозным; с помпой отметили более чем сомнительное 1000-летие Казани; или же Кавказа, где продолжают реанимировать кровавый режим имамата Шамиля и остальных вооружённых противников Российской империи). Границы науки и постфольклорных мифологем по поводу истории Отечества всё больше размываются.

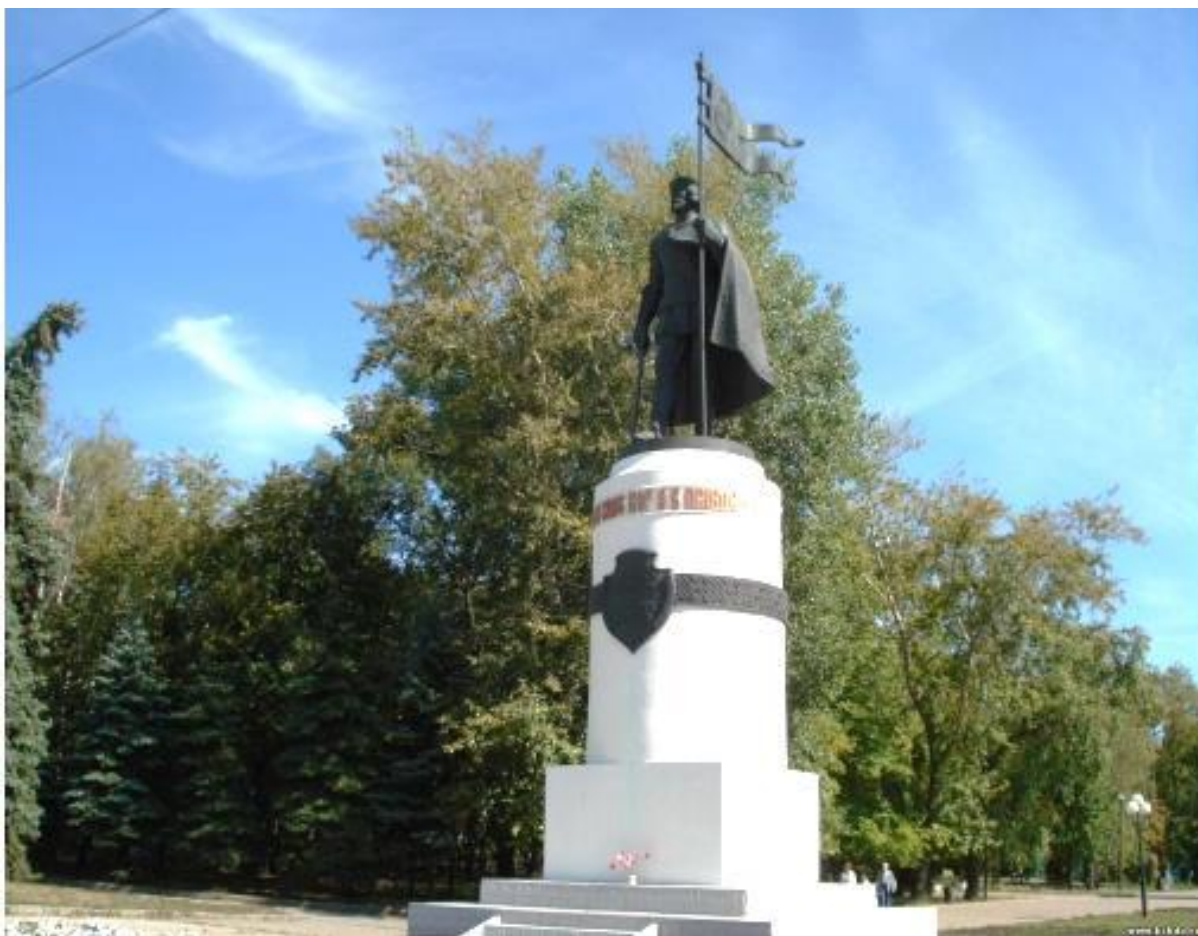
Так на региональном уровне проявляется общегосударственная ситуация с историческим просвещением подрастающих поколений. Все 2000–2010-е годы на официальном уровне и в социальных сетях обсуждается ситуация с учебниками по истории России. За последние годы опубликованы многие десятки такого рода пособий. Многие из них новы и хороши как теоретически, так и методически; развивают лучшие традиции отечественного историописания; преодолевают типичные для советской историографии и педагогики недостатки. Но в целом ряде учебников, даже рекомендованных к печати Министерством науки и образования РФ, содержатся фактические ошибки и предвзятые оценки российской цивилизации; их выявили привлечённые правительством рецензенты из нескольких государственных университетов⁸³. Как видно, в том числе по приведённым здесь краеведческим примерам, произошедшие за 1990–2010-е годы в книжно-полиграфическом деле перемены не свелись к отмене политической цензуры, но, к прискорбию, сделали возможным ширящийся отказ от научной экспертизы, литературного редактирования и даже элементарной корректуры опечаток при издании учебной литературы по истории.

Задача науки в описываемой ситуации — предоставить политическим руководителям государства и его субъектов, представителям общественности и средств массовой информации достоверные материалы для суждений об отдалённом прошлом страны и народа (в том числе о примерном возрасте того или иного города, важнейших вехах его с округой древней истории). Только на основе коллективной экспертизы учёных специалистов, при дальнейшем участии должностных лиц, общественных деятелей, средств массовой информации стоит принимать наиболее мотивированные решения по поводу юбилейных торжеств, установке памятников и прочих мероприятиях просветительского, воспитательного, политического планов, связанных с региональной историей. Согласование установленных исследователями фактов, выдвинутых ими гипотез со ставшими культурными архетипами фольклорными сюжетами, а тех и других — с меморативными мероприятиями властей и общественности в каждом конкретном случае представляет собой творческую задачу. Иначе у нас в стране не случилось бы скандалов с несколькими памятниками: Ивану

⁸³ См.: *Молодцова В.* Какой учебник матери-истории ценен? // Российская газета. 2011. 14 декабря. С. 6.

Грозному в Орле; Владимиру Святославичу сначала над правобережным Белгородом, а затем под стенами московского Кремля; мемориальной доской адмиралу А.В. Колчаку и тому подобными жестами в сторону ускользящей исторической памяти.

Одни из этих метаисторических логотипов более, другие менее верифицируемы с научно-академической точки зрения. Кроме того, при популяризации и особенно идеологизации, политизации исторических знаний неизбежно возникает некий предел, за которым сообщение широкой публике, учащимся новых фактов ставит под сомнение, а то и отрицает изначальную идею прикладного, воспитательного значения истории.

*Вход в Первомайский парк города Курска.
Памятник Александру Невскому установлен в 2000 году.
Скульптор В.М. Клыков. Фото автора.*

Возьмём для примера столь знаковую фигуру отечественной истории, как князь Александр Невский. Большой памятник ему работы неумоимого скульптора В. Клыкова был установлен в историческом центре Курска. Как говорится, полбеда что этот исторический деятель никак прямо не был связан своей жизнью и деятельностью с Курским княжеством (а фигуры, прославившиеся именно в связи с Курщиной, — «Буй-тур» Всеволод

Святославич, князь Курский и Трубчевский; Феодосий Печерский ⁸⁴; герой битвы на Калке князь Олег Курский и многие другие, — остаются никак не увековеченными здесь). Труднее объяснить широкой публике противоречия западной и восточной политики Александра Ярославича, провозглашённого Русской православной церковью святым, а Советским государством в годы Второй мировой войны патроном особой воинской награды — полководческого ордена. Знаменитый князь, как известно, героически отразив ливонско-шведскую агрессию на Русь, в то же самое время целиком и полностью поддержал агрессию татарскую и безжалостно подавлял антиордынские выступления своих подданных, репрессировал в этой связи даже своего брата и прочих родичей. Ради овладения великокняжеским столом властолюбивый правитель не пренебрегал никакими средствами. Так что памятник ставится не исторической фигуре, а героическому мифу в связи с ней. А учёный историк, как и поэт, не может «без правды сущей, / Правды, прямо в душу бьющей, / Да была б она погуще, / Как бы ни была горька...» (А.Т. Твардовский).

Общая композиция и детали статуи не выдерживают критики на исторический взгляд. Оружие князя-воителя напоминает скифский акинак, а вовсе не каролингский меч его эпохи. Держать в руке стяг князь мог лишь в том случае, если всё его войско погибло... Та же ситуация подразумевается при виде спешенного предводителя средневекового войска с обнажённым клинком.

Впрочем, ставить малоуместные в определённой точке и нелепые с точки зрения историзма памятники, наверное, лучше, чем грязнить и сносить монументы — знаки национальной истории, как это случилось в США в 2017 году на почве тлеющих разногласий между чернокожими и белыми американцами, демократами и республиканцами, представителями разных штатов.

Приведённый пример с Александром Невским — не исключение, а скорее правило для тех познавательных и практических сложностей, что возникают при прямом или косвенном диалоге фольклорных и научных форм исторической памяти. Специалисты-историки демонстрировали подобный дуализм оценок достоверности и нравственной поучительности в отношении едва ли не каждой из приметных фигур российского прошлого. Однако соответствующие трудности популяризации исторического знания, его согласования с фольклорными образами обыденного сознания, вовсе не отрицают, на мой взгляд, необходимости этой работы, прежних и новых удач при её выполнении профессионально подготовленными и литературно одарёнными авторами (в том числе на поприще исторического краеведения, о чём ещё не раз пойдёт речь в этой книге).

⁸⁴ Стела в честь святого Феодосия Печерского перед Православной гимназией на улице Маяковского хороша, но малодоступна для обозрения не только туристам, но и местным жителям.

Подытоживая предпринятый в начальном параграфе книги *экскурс в историко-археологическую фольклористику и её ветвь — историческую топонимику южнорусского ареала*, признаем, что соотношение правды и вымысла в составе этой своего рода неомифологии выходит сложноватым эпистемологически (познавательным) и довольно болезненно аксиологически (ценностно). Народная память выборочно и прихотливо отражает далёкое прошлое. Расширение пространства фольклорного повествования на исторические темы находится в обратной пропорции со степенью его достоверности. И вообще-то редкое «зерно» фактичности, присутствующее далеко не в каждом устном или же запечатлённом на географической карте сообщении о древностях, от поколения к поколению как бы развоплощается — облекается более или менее фантастическими коннотациями. Те способны влиять и прямо проникать на уровень функционирования политической идеологии, школьной педагогики, вообще культурной практики наших дней.

Особенно большие потери факты и дух истории несут при вторичной, модернизированной фольклоризации её событий и лиц при их дилетантском — упрощённом и вульгаризированном изложении самозваными «краеведами» или же партийно ангажированными идеологами, политологами, «культурологами». Разные, но одинаково опасные для исторического сознания социума издержки несут в себе как тоталитарно-авторитарные методы его программирования, так и псевдодемократическое самоустранение государственной власти и академической науки от задач исторического просвещения.

В истинно демократическом, культурном идеале историческая наука и социально-политическая, педагогическая практика должны уважительно относиться к целям и возможностям друг к другу, а все они вместе — к образованной фольклором «устной, народной истории» поселения, края, страны. Страховать друг друга от крайностей, тактично поправлять слишком односторонние (и с научной, и вненаучной, социально-психологической точек зрения) версии лиц и событий далёкого и недавнего прошлого.

Применительно к истории культуры и самой исторической науки всегда бытующий в народе устный нарратив о далёком прошлом образует своего рода «нулевой», *донаучный этап* соответствующих знаний и оценок прошлого. В лице народных преданий и легенд, быличек и поверий, анекдотов и сказок на исторические темы мы имеем своего рода «этнонауку», чем-то (своей «логикой», прикладной направленностью) похожую на народную медицину, метеорологию, агрономию и прочие, более прикладные отрасли обыденно-практического знания. Вненаучное знание, в том числе традиционно-бытовое, в последнее время становится актуальным предметом философско-методологической рефлексии ⁸⁵. В её тени пока

⁸⁵ См. о понятии, структуре и функциях «этнонауки»: *Филатов В.П.* Научное познание и мир человека. М., 1989; *Его же.* «Народные науки» в отечественной истории // *Традиции и революции в истории науки.* М., 1991.

находились гуманитарные аспекты внеаучного знания. Народная, устная история выступает органичной отраслью «этнонауки».

При инвентаризации и музеефикации памятников глубокой старины, в отчётах об их разведках и раскопках стоит фиксировать, помимо прочего, соответствующие версии из молвы окрестных жителей о происхождении и значении этих древностей. До сих пор некоторые археологи — паспортизаторы памятников, их разведчики и раскопщики, особенно молодые сегодня специалисты, предпочитают экономить время и силы за счёт фольклорного «шлейфа» вокруг соответствующих объектов, что недальновидно. При всей произвольности большинства подобных рассказов, «устная история Древности и Средневековья» порой содержит крупинцы истины и обладает самостоятельной ценностью для отечественной культуры.

*Автор во время первого издания этой книги. 1990-е годы.
Кабинет заведующего кафедрой философии КГМУ.*

Об отечественных вариантах данного явления см.: *Лебедева А.А.* Народные знания славян // *Этнография восточных славян.* М., 1987.